

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.9>

UDC 903.531

LBC 63.442.7(4)/63.442.7(8)

Submitted: 04.09.2024

Accepted: 09.12.2024

AN EARLY SARMATIAN BURIAL FROM KURGAN 3 OF THE CHEBOTAREVO IV KURGAN CEMETERY ¹

Sergey V. Zakharov

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Denis V. Maryksin

Rutrum LLP, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. This study introduces into scholarly circulation materials from an undisturbed elite Early Sarmatian burial in kurgan 3 of the Chebotarevo IV kurgan cemetery on the right bank of the Ural River. The accompanying inventory includes an iron sword with a gold-embellished hilt and cross guard, two iron akinakes daggers, a standing vessel, two quivers, bronze arrowheads, a mirror, a gold chain, an iron belt hook, and a gold-plated quiver clasp. Some of the accompanying inventory and its placement in the burial's ritual arrangement show certain correspondences with the iconography of Baite-type stone steles and the metal figurines from the Sapogovsky hoard. Unique features include the crescent-shaped construction of the sword pommel, the distinctive zoomorphic design of the belt hook and quiver clasp, and the filigree decoration on the crossguard, interpreted as a "keraunos" (thunderbolt). The burial materials point to southern and Central Asian connections for the core complex of status-related items from kurgan 3. The gold chain and plaques are of ancient Greek origin. The set of items characteristic of sites with ceremonial gold weapons, studied in the Orenburg region and Bashkiria, is dated to the last quarter of the 2nd century BCE to the beginning of the 1st century BCE. This dating could be extended, considering the traditionally broader chronological range of crescent-pommel swords, as well as swords and scabbards with gold plating and decorations. The gold chain is dated to the last third of the 4th to 3rd centuries BCE and has a long history of use before its inclusion in the burial inventory. The early Sarmatian burial in kurgan 3 of the Chebotarevo IV kurgan cemetery expands the area of ceremonial weapon burials to the Kazakh right bank of the Ural River, making it the westernmost example of its kind. It may have belonged to a member of a chiefdom that exercised political control over this region from the last quarter of the 2nd century BCE to the beginning of the 1st century BCE.

Key words: Western Kazakhstan, kurgan cemetery, Early Sarmatian culture, elite burial, burial with ceremonial weapons.

Citation. Zakharov S.V., Maryksin D.V., 2025. Rannesarmatskoe pogrebenie v kurgane 3 mogil'nika Chebotarevo IV [An Early Sarmatian Burial from Kurgan 3 of the Chebotarevo IV Kurgan Cemetery]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 217-246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.9>

РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ 3 МОГИЛЬНИКА ЧЕБОТАРЕВО IV¹

Сергей Владимирович Захаров

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Республика Казахстан

Денис Валерьевич Марыксин

ТОО «Rutrum», г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Вводятся в научный оборот материалы погребения в кург. 3 курганного могильника Чеботарево IV на правом берегу р. Урал. Кург. содержит неграбленное раннесарматское элитное погребение. Сопроводительный инвентарь состоит из железного меча с золотой обкладкой на вершине и перекрестьи, двух железных кинжалов-акинаков, станкового сосуда, двух колчанов, бронзовых наконечников стрел и зеркала, золотой цепочки, железных поясного крюка и колчанной застежки с золотой плакировкой. Часть вещей, оружие и их место в ритуальном убранстве погребенного находят определенные соответствия в иконографии каменных стел байтинского типа и металлических фигурок Сапоговского клада. Уникальными являются конструкция серповидного наконечника меча, своеобразное зооморфное оформление поясного крюка и колчанной застежки, филигранный декор на перекрестьи, трактованный в качестве «кравна». Материалы погребения свидетельствуют о южном и среднеазиатском векторе связей основного комплекса статусных вещей из кургана 3. Золотые цепочка и бляшки имеют античное происхождение. Комплекс вещей, которые характерны для круга памятников с золотым церемониальным оружием, исследованных на территории Оренбургской области и в Башкирии, датируется последней четвертью II – началом I в. до н.э., не исключая расширение хронологического диапазона, согласно традиционно более широким датировкам мечей с серповидным наконечником, мечей и ножен с золотыми плакировкой и декором. Золотая цепочка датирована последней третью IV–III вв. до н.э. и имеет длительную историю использования до включения ее в сопроводительный инвентарь данного погребения. Раннесарматское захоронение в кург. 3 могильника Чеботарево IV расширяет ареал погребений с церемониальным оружием на территорию казахстанского правобережья р. Урал, являясь наиболее западным из их числа. Оно могло принадлежать представителю потестарной единицы, осуществлявшей в последней четверти II – начале I в. до н.э. политический контроль над данной местностью.

Ключевые слова: Западный Казахстан, курганный могильник, раннесарматская культура, элитные погребения, погребение с церемониальным (парадным) оружием.

Цитирование. Захаров С. В., Марыксин Д. В., 2025. Раннесарматское погребение в кургане 3 могильника Чеботарево IV // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 217–246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.9>

Введение

Могильник Чеботарево IV расположен на территории Байтерекского района Западно-Казахстанской области, на пахотном поле в уплощенной части водораздельного пространства рек Ембулатовка и Быковка, правых притоков р. Урал (рис. 1). Археологическими раскопками могильник исследован в 2023 г. экспедиционным отрядом ТОО «Rutrum» (руководитель отряда Д.В. Марыксин, научный руководитель С.В. Захаров) [Захаров, Марыксин, 2024]. Могильник разновременный в рамках эпохи раннего железного века: кург. 1 да-

тирован нами IV в. до н.э., кург. 4 – VI–IV вв. до н.э., кург. 5 – III в. до н.э. Не исключено, что курганы могильника Чеботарево IV составляли периферию более обширного и с более крупными насыпями могильника Чеботарево III, расположенного в 350–370 м западнее (между памятниками расположена площадка нефтяной скважины).

Кург. 3 являлся самым крупным в могильнике. Захоронение под ним оказалось неграбленным, сохранив ряд конструктивных элементов погребальной конструкции, особенности обряда погребения и трупоположения. В разной степени сохранности оно содержит

довольно представительный сопроводительный инвентарь, включая церемониальный набор вооружения, а также ряд уникальных предметов и элементов их оформления.

Вопрос о роли прохоровских комплексов, содержащих плакированное и декорированное золотом оружие, в хронологии раннесарматской культуры по-прежнему актуален. Каждое новое обнаружение уникальных в своей индивидуальности артефактов импортного происхождения позволяет расширить представления о направлениях и характере внешних связей раннесарматского мира в конкретный период существования этой культуры, проследить пути связей, миграций, походов, получить новые данные о продукции античного мира, а также расширяет датирующие возможности комплексов. Новые материалы важны в деле уточнения территориальных концентраций схожих артефактов, маркирующих политические центры раннесарматских объединений и регионы контроля их элиты.

Целью настоящей статьи является полная публикация материалов, связанных с погребением в кург. 3, и введение их в широкий научный оборот. Нами осуществлена типологическая идентификация находок, определены ближайшие им аналогии, дана интерпретация оригинальных предметов и изображений, высказаны соображения о хронологической и культурной принадлежности сопроводительного инвентаря и погребения в целом.

Характеристика источника и материалов

Курган 3 располагался в центральной части могильника Чеботарево IV (рис. 1). Насыпь кург. 3 округлой в плане формы, диаметром 33 м и высотой 1,2 м от уровня современной дневной поверхности. Насыпь грунтовая, из плотной светло-серой гумусированной супеси, с многочисленными линзами мелких и крупных нор, слоем плотного песка на материковом основании (выкид из могильной ямы) в южной части и следами неудачного грабительского вкопа по центру.

Под насыпью кургана находилась одна могильная яма, располагавшаяся в западной части подкурганной площадки (рис. 2, I), что, по всей видимости, и спасло погребение в ней от

разграбления. Могильная яма на уровне материка имела в плане неправильную, округло-подквадратную форму размерами 3,60 × 3,45 м, длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. В придонной части она приобрела подпрямоугольные очертания и размеры 3,60 × 2,40 м. Дно ямы ровное, на глубине 2,13 м от поверхности материка (рис. 2, II, III).

Судя по расположению продольного ряда деревянных брусков по центральной оси ямы, можно предположить, что конструкция могильной ямы представляла собой обширный подбой, устроенный в длинной восточной стенке входной ямы, закрытый вертикально установленными досками заклада (рис. 2, III).

Начиная с отметки –0,95 м от материковой поверхности по средней линии могильной ямы в направлении С – Ю встречены остатки деревянных брусков, прямоугольных в сечении, местами – тлен от них. Размер брусков в сечении от 0,04 × 0,08 м до 0,04 × 0,14 м. Бруски располагались в ряд, но под легким наклоном в направлении восточной стенки (рис. 3, II).

Вдоль восточной стены на дне ямы прослежены от южной до северной стены следы сплошной органической подстилки серовато-черного цвета. Центральный и северный участки подстилки занимали скелет погребенного и сопровождающий его инвентарь (рис. 3, I). В ногах погребенного, вдоль его левого бока и выше головы на дне могилы имелась белая меловая подсыпка (рис. 3, III). Ее следы встречены на левой кисти, отдельных костях и суставах, на ножнах меча, дне гончарного сосуда.

Костяк находился в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на ЮЮЗ (рис. 3, II). Руки расположены вдоль туловища и согнуты в локтях: левая изогнута слегка, правая – под значительно большим углом. Бедренные кости ног раскинуты. Правая нога согнута в колене и слегка отклонена вправо, на восточную стенку ямы. Левая нога, сильно согнутая в колене и тазобедренном суставе, лежала на дне. Длина костяка в данном положении 1,66 м. Наблюдения позволяют предположить, что погребенный изначально был уложен с подогнутыми вверх коленями ногами. Вполне вероятно, что для надежной фиксации в таком положении ноги были связаны. В процессе скелетирования трупа ле-

вая нога упала влево, перекрыв частично собой фаланги пальцев левой руки и уложенные в ногах поясной крюк (рис. 3, III, 5), кинжал (рис. 3, III, 6), колчан (рис. 3, III, 10). Коленный сустав частично перекрыв и клинок меча (рис. 3, III, 2). Правой ногой помешала упасть восточная стенка могильной ямы.

На шейных позвонках погребенного лежала массивная цепочка из золота (рис. 3, III, 11). Под левой лопаткой погребенного располагалось размещенное рукоятью в южном направлении бронзовое зеркало в футляре из материала с растительными волокнами (рис. 3, III, 12).

Слева от погребенного вдоль туловища лежал железный сильно коррозированный длинный и узкий железный меч (рис. 3, III, 2) с остатками ножен, на которых местах сохранились следы красителя красного цвета (вероятно, киновари). Меч был уложен своей верхней частью, включая эфес, под левые плечо и руку погребенного.

На уровне костей предплечья клинок меча имел заметный прогиб, образовавшийся, возможно, в процессе археологизации погребения. Нижняя треть клинка с острием лежала на узкой, длинной и толстой деревянной дощечке. Рядом и поверх этой дощечки, под острием меча и справа выше по клинку остриями на север лежали бронзовые трехлопастные наконечники стрел с остатками древков (рис. 3, III, 4). Всего в области меча прослежено 15 наконечников стрел. По всей видимости, дощечка и скопление стрел возле меча являются остатками колчана (колчан № 1) (рис. 3, III, 3). Левее меча лежала железная колчанная застежка (рис. 3, III, 16), плакированная золотой фольгой, сплошь покрытая сверху окислами железа.

С правой стороны от погребенного, между рукой и туловищем острием на север лежал сильно коррозированный железный кинжал-акинак (акинак № 1) (рис. 3, III, 9) с остатками деревянных ножен поверх клинка. По обеим сторонам от перекрестия ниже острия кинжала залегало по одной полусферической пришивной золотой бляшке петлями вверх (рис. 3, III, 7).

Часть сопроводительного инвентаря лежала в ногах погребенного. Здесь локальными пятнами / участками располагалось 2 скопления, состоящих из мелких фрагментов ис-

тлевшей древесины, бронзовых трехлопастных наконечников стрел с остатками древков и бесформенных лепешек практически полностью коррозированных и спаявшихся железных предметов с остатками древесины древков. Наконечники стрел лежали разрозненно, остриями в северо-восточном направлении. По всей видимости, это – остатки еще одного колчана (колчан № 2) (рис. 3, III, 10). Один наконечник стрелы, фрагмент железного однолезвийного ножа черешком в направлении кисти и кольцевидное сильно коррозированное железное изделие с коротким стерженьком лежали изолированно, между кистью левой руки и этими двумя скоплениями (рис. 3, III, 14, 15). Фрагмент ножа имел короткий черешок, покрытый древесным тленом. Всего в этом месте выявлено 10 наконечников стрел. Все предметы этого скопления были ориентированы в одном направлении. Восточнее, острием на северо-восток, лежал железный кинжал-акинак (акинак № 2) (рис. 3, III, 6). Так же, как и у первого акинака, у торцов перекрестия и у острия клинка лежало по одной металлической полусферической пришивной бляшке петлями вверх – две золотые и одна – серебряная (рис. 3, III, 7, 13). Рядом лежал железный сильно коррозированный подковообразный предмет с едва просматриваемой под окислами золотой плакировкой (рис. 3, III, 5). После очистки предмет оказался поясным крюком. Справа от кинжала и под углом к его перекрестию лежал фрагмент пластинчатого железного изделия.

По всей видимости, в ногах погребенного лежал пояс с поясным крюком и с набором подвесных предметов амуниции: ножнами с кинжалом, однолезвийным ножом, поясной пряжкой с пристегнутым колчаном, возможно, и другими несохранившимися предметами.

Параллельно клинку меча на боку лежал круговой керамический красноглиняный сосуд-кувшин (рис. 3, III, 8). У сосуда отсутствовали небольшая часть венчика и основная часть ручки, судя по всему, утраченные до помещения в могилу.

В погребении выявлен следующий инвентарь.

Железный меч (рис. 4, 1). Сильно коррозирован, до состояния распада клинка и эфеса на крупные и мелкие фрагменты и чешуйки. Длина меча 130,0 см. Длина клинка

118,50 см. Клинок длинный, двулезвийный, прямой, плавно сужающийся к острию, судя по центральному продольному ребру на прикипевших к нему участках деревянных ножен, – ромбический в сечении. Изначальная толщина клинка неопределима. В средней части клинок деформирован – в положении *in situ* имел прогиб по неровности дна могилы. На клинке меча местами сохранились участки деревянных ножен, покрытые красным красителем, вероятно, киноварью. Максимальная ширина ножен 5,5 см. У устья ножен сохранилась часть огибающей ее обоймы. Материал обоймы, по всей видимости, органического происхождения, пропитанный окислами железа.

Длина эфеса меча 11,50 см (измерения сделаны *in situ*). Эфес имеет серповидное, плавной степени прогнутости навершие и прямое брусковидное перекрестие. Длина рукояти 9,0 см, длина стержня рукояти 10,20 см, ширина – 2,20 см. С учетом размера и конфигурации огибающей конец рукояти золотой фольги, форма рукояти в сечении была слегка уплощенная с овальными краями, размером в сечении 1,40 × 1,60 см. От навершия сохранились две железные боковые ветви (дрота), плакированные золотой фольгой, лежавшие тыльными торцами к верхней части стержня рукояти, а также деформированная и с разрывами золотая фольга с каймой филигранного орнамента поверх стыка золотых листов в торцевой части рукояти. Такое их положение может свидетельствовать о методе изготовления навершия путем приваривания к ребрам стержня рукояти (с боков) двух железных дротов. Длина дротов по 4,80 см. Золотая плакировка дротов была сплошь покрыта слоем железных окислов. Расчистка показала, что форма дротов навершия искажена и плакировка имеет продольные разрывы под давлением коррозионных процессов внутри изделий. В местах минимальной деформации ветви имели овальное сечение. Сечение в месте прилегания к рукояти 8 × 10 мм. К концам дроты плавно сужаются и переходят в выделенные шишковидные концевики диаметром 6 мм, сплошь покрытые зернью. Последняя сильно изношена, стерта почти под основание зерен.

С применением пластичного нетвердеющего материала была осуществлена первич-

ная реконструкция навершия (рис. 4,2,3). Восстановленная длина навершия 10,80 см, форма – серповидная, со слабой степенью прогнутости, уплощенная в боковой проекции. Торцовая часть рукояти (в месте расширения навершия в средней его части и поверх стыка двух золотых пластин, плакирующих дроты) декорирована каймой в виде цепочки ромбов из пересекающихся ломаных линий круглой филигранной проволоки с шариками зерни по всем углам пересечений и перегибов. Полоса декора с обеих сторон окантована филигранной проволокой с поперечными насечками (гофрированной или бусинной), образуя вдоль цепочки ромбов треугольной формы гнезда. Шарик зерни и насечки на проволоке сильно изношены. Ширина полосы декора 0,5 см. Она расположена поперек навершия, огибая торцовую часть стержня рукояти. С внутренней стороны плакировки в месте стыка торца рукояти и дротов навершия сохранились остатки окаменевшей массы черного цвета. Неисключено, что ромбовидной и треугольной формы гнезда декора первоначально также были инкрустированы подобной стекловидной массой.

Перекрестие прямое, брусковидное, форма в сечении подромбическая, с заovalенными концами (рис. 4,5). Длина перекрестия – 6,5 см, ширина – 1,50 см, толщина – от 0,5 до 2,50 см. Покрыто листами золотой фольги, состыкованных по средней линии перекрестия с небольшим наложением краев. Имеются продольные и поперечные разрывы под давлением коррозионных процессов. Обкладка из фольги декорирована (рис. 4,4,5). По всей длине перекрестия идет ровная и широкая полоса красного цвета, под цвет окраса ножен, вероятно, киновари. Обе поверхности плакировки перекрестия, обращенные к рукояти, декорированы одинаковыми, противоположно направленными композициями, выполненными в технике филигрании. Основу композиций составляют крестообразно расположенные относительно центральной окружности элементы удлиненной каплевидной формы с усеченным основанием. Каплевидный элемент по оси перекрестия намного крупнее и длиннее остальных, в месте максимального расширения внутри него окружность, аналогичная центральной. От центра композиции попарно отхо-

дит четыре разнонаправленных спиралевидных элемента завитками внутрь узора. Все элементы, за исключением парных завитков у рукояти, выполнены филигранной проволокой с поперечными насечками. Завитки у рукояти – гладкой круглой филигранной проволокой.

Железная колчанная застежка (рис. 7,8). Изделие плакировано толстой золотой фольгой. В основе своей оно стержневидное, круглое в сечении, с тупыми, слегка заovalенными торцами. Верх предмета смоделирован в виде диаметрально развернутых голов животных с длинными мордами (предположительно крокодила или лошади). Ноздри и глаза обозначены попарными, сильно выступающими бугорками. Длина изделия – 5,8 см, диаметр на торцах и в центральной части (перехват) изделия – 0,6 см, в области морды – до 0,7 см. Одна из половин застежки имеет по боковым сторонам разрывы фольги от вздутия железной основы под воздействием коррозии. Места соединения и наложения листов фольги хорошо пропаяны, без разрывов.

Железный кинжал (акинак № 1) (рис. 5,1,з). Длина кинжала – 40,0 см, клинок – 29,0 см, эфеса – 11,0 см, длина перекрестия – 7 см, ширина неустановима из-за его сильной разрушенности (измерения сделаны *in situ*). Рукоять плоская. Перекрестие и навершие сильно коррозированы, отдельные фрагменты утрачены. Перекрестие прямое. Навершие под стать рукояти плоское и широкое в боковой проекции, серповидное, с резко выраженной прогнутостью. Его размеры неустановимы. Клинок широкий, с почти параллельными краями в верхней части, начиная с середины довольно круто сужающийся к острию. В верхней части имеется поперечный излом, возникший в процессе археологизации изделия. На фрагменты также распалось острие клинка. В средней части клинка и под клинком сохранился фрагмент истлевших деревянных ножен. Верхняя линия устья ножен расположена в нескольких сантиметрах ниже перекрестия, нижняя линия устья проходит под перекрестием, по сторонам от нее прослеживаются выступы-лопасти, на концах которых залегало вниз лицевой стороной по одной золотой бляшке с петлей (рис. 5,1,а,б). Аналогичная бляшка лежала чуть ниже острия и также лицевой стороной вниз (рис. 5,1,в).

Железный кинжал (акинак № 2) (рис. 5,5,з). Длина оружия 35 см (измерения сделаны *in situ*), размеры его структурных частей не фиксируются. Клинок широкий, в верхней части с практически параллельными краями, начиная с середины сужающийся к острию. Верх клинка и эфес подверглись сильной коррозии, вплоть до фрагментирования. Форма перекрестия неустановима. Навершие серповидное, возможно, ломанное. Под рукоятью широкой поперечной полосой лежал фрагмент детали органического происхождения, вероятно, тыльной части ножен или обоймы ножен для крепления их к поясу. По линии перекрестия с обеих сторон от эфеса залегало вниз лицевой стороной по одной бляшке с петлями (рис. 5,5,а,б). Одна бляшка золотая (рис. 5,5,б), другая – серебряная (рис. 5,5,а). Клинок сверху покрыт тленом коричневого цвета от ножен. У острия также вниз лицевой частью залегала золотая бляшка с петлей (рис. 5,5,в).

Золотые бляшки (4 экз.) (рис. 5,1,а,б,в, 5,б, 7,2–5). Изделия полусферической формы с гладким горизонтальным бортиком-рантом по окружности и петлей для пришивания с внутренней стороны. Диаметр бляшек 13,0–14,5 мм, диаметр полусферы 12,0 мм, высота 4 мм, ширина горизонтального бортика 1,0–1,5 мм. По нижней и верхней окружности полусферы, а также по ее центру припаяны гладкокатанные филигранные проволоки (по низу круглая в сечении (гладь), по верху – плоская или круглая, но уплощенная износом). Между верхней и нижней проволоками припаяно по окружности 6, 7 или 9 (в двух случаях) подковообразно изогнутых («овы») плоских гладкокатанных филигранных проволок (плоская гладь) овалами к центру полусферы. Петля для пришивания из плоской ленты шириной 1,5 мм сформирована в кольцо и припаяна по центру внутренней стороны полусферы. Наименее деформированная петля имеет форму слабого овала внешним диаметром от 5 до 7 мм. Петля выступает за заднюю плоскость бляшек. Верх бляшек снаружи потерт в разной степени, вплоть до почти полного износа напаянной филигранной проволоки – свидетельство длительного использования.

Золотая бляшка (1 экз.) (рис. 7,б). Изделие полусферической формы без горизонталь-

ного бортика-ранта по окружности и с петлей для пришивания с внутренней стороны. Обнаружена у острия акинака (рис. 5,5,в), лежавшего под левой ногой погребенного. Вместо горизонтальной полосы полусфера по окружности охвачена напаянной филигранной веревочкой. Диаметр 14,5–15,5 мм, высота – 3,2 мм (с учетом деформации она должна была быть больше). Поверхность с вмятинами и трещинами. По телу полусферы от края до центра идет вертикальный накладной непропаянный шов. По центру полусферы по кругу диаметром 5,0 мм напаяна плоская гладкокатанная филигранная проволока (плоская гладь). Петля для пришивания из плоской ленты шириной 1,5 мм, сформированной в скобу с припаянными к внутренней стороне полусферы концами. Петля в форме сильно заууженного овала, размерами 3 × 9 мм. Петля не выступает за заднюю плоскость бляшки.

Бляшка из серебра (рис. 7,7). Изделие полусферической формы, с гладким горизонтальным бортиком-рантом по окружности и перекладиной для пришивания с внутренней стороны. Обнаружена с правой стороны перекрестия акинака (рис. 5,5,а), лежавшего под левой ногой погребенного. Верх пуговицы уплощен. Горизонтальная полоса ранта частично утрачена. Перекладина плоская и утолщенная, прямоугольная в сечении. Концами припаяна к краям полусферы, заподлицо с горизонтальным рантом. Диаметр бляшки – 13,5 мм, полусферы – 12,0 мм, высота – 2,0 мм, ширина горизонтального бортика – 1,5 мм, ширина перекладины для пришивания – 1,5 мм.

Обе отличающиеся от четырех одинаковых золотых бляшек относились к кинжалу в ногах погребенного.

Массивная цепочка из золота (рис. 6). Цепочка из трех фрагментов разной длины: 26,80 см (с застежкой), 32,0 см (с застежкой), 3,3 см. Общая длина цепочки 62,10 см. Фрагмент-1 – цепочка сложного (двойного плетения) из звеньев из круглой в сечении проволоки, диаметром сечения примерно 0,5 мм. Цепочка в сечении подквадратная, размером, в среднем 4 × 4 мм. Цепь заканчивается массивной застежкой. На цепочке близ застежки имеются следы ремонта в виде двух звеньев одинарного плетения. Фрагмент-2 – в основном идентичен фрагменту-1. На одном конце

переходит в короткий участок одинарного плетения длиной 4,5 см. Другой заканчивается массивной застежкой. На цепочке близ застежки имеются следы ремонта в виде трех звеньев одинарного плетения и соединения из двух скруток золотой проволоки иного происхождения, квадратной в сечении. Фрагмент-3 – короткая цепочка одинарного плетения. Участки цепочки с одинарным плетением располагались в средней ее части. Такое их расположение и простой, однозвенный вид плетения указывают не только на ремонт цепочки, но и на возможное замещение утраченного центрального фрагмента изделия, которым могла быть декоративная золотая или золотая полихромная вставка.

Застежки цепочки усеченно-каплевидной формы со щитком. Щиток плоский, оконтурен по внешнему краю гладкой круглой в сечении филигранной проволокой (гладь) и гофрированной (с поперечными насечками) круглой в сечении филигранной проволокой. По центральной длинной оси напаян S-видный завиток гладкой круглой в сечении филигранной проволоки.

Узкая часть щитка украшена двумя V-образными фигурами (шевроны) из гладкой круглой в сечении филигранной проволоки. Эта часть щитка отграничена от основной его плоскости поперечной гладкой круглой в сечении филигранной проволокой, концы которой заходят на тыльную сторону застежки, укрепляя входное отверстие гнезда для крепления цепочки, сформированного из припаянной к тыльной стороне щитка изогнутой золотой пластины.

На щитках грубо пробиты отверстия для вторичного способа застегивания (завязывания): небольшое на застежке фрагмента-1, большое и неровное – на застежке фрагмента-2. На тыльной стороне застежки фрагмента-1 имеется напаянный плоский подквадратный фрагмент размером 1,5 × 1,5 мм, вероятно, часть утерянного элемента первоначального способа застегивания цепочки.

Украшение несет на себе следы неоднократного ремонта: 1) грубо выполненные ремонты, в том числе иным материалом, обрывов в местах крепления цепочки к застежкам; 2) устройство отверстий в щитках застежек взамен утраченных петель; 3) замещение утраченной подвески участком однозвенного

плетения из звеньев, взятых путем роспуска отрезка цепочки двухзвенного плетения.

Судя по всему, данная цепочка относится к ожерельям, которые выступали заменой традиционных литых гривен.

Поясной крюк (рис. 7, 1). Железный в своей основе, с зооморфным оформлением, поверх полностью обернутый толстой золотой фольгой. Железная основа местами корродирована на значительную глубину с увеличением объема изделия, вызвавшим трещины и разрывы фольги, в основном по лицевой стороне изделия. В плане форма подковообразная, в сечении – сегментовидная. Щиток, язычок и основное тело крюка расположены в одной плоскости. Лицевая сторона овальная, тыльная – плоская. Максимальные размеры 63×71 мм, толщина дуги крюка 6 мм, с увеличением и уменьшением ее в местах декорирования. Фольга, как и в остальных случаях, толстая, нанесена на основу двумя полосами – узкой по тыльной стороне и широкой – по лицевой, с загибами на заднюю сторону, с частичным перекрытием нижней полосы и прочной пайкой швов.

Изделие имеет зооморфные завершения на обоих концах. Щиток оформлен объемным изображением стилизованной головы волка с высоко поднятой над длинной и широкой мордой линией черепа. Фас морды тупой (плоский и широкий), украшен наклонными слева направо короткими вдавленными линиями. Морда по носу ограничена поперечным невысоким длинным и узким валиком. Верх валика плоский, декорирован короткими наклонными линиями. Такими же, но более широкими валиками с косыми вдавлениями оформлены лобная и затылочная часть головы, что создает между валиками узкую гладкую площадку для ремня. В черепе, между валиками лба и затылка, устроено сквозное отверстие с внешним диаметром 5×7 мм и внутренним – 5 мм, с глубоко заправленными внутрь отверстия краями фольги. Вероятно, оно служило для продевания шнура пояса.

Язычок крюка декорирован рельефным изображением головы, вероятно, травоядного копытного животного на длинной шее. Показаны горбоносая морда, линия рта, лунка глаза, в затылочной части – основание рога и ухо. Средняя линия длинной шеи подчеркнута

невысоким ребром-гранью. Горбоносый профиль морды позволяет предположить здесь изображение головы сайги.

В средней части крюка, на его лицевой стороне, возвышается скульптурная голова, вероятно, собаки типа среднеазиатской овчарки (алабая), на невысокой, но мощной шее. У собаки скульптурно смоделированы вздернутый нос, бугорки скул, продольный валик черепа, уши и даже едва уловимая лунка глаза. В локальных участках (нос, ухо) в разрывах золотой фольги проступает чрезвычайно твердая неметаллическая черная основа – окаменевшая смола.

Между головой собаки и язычком крюка находятся два невысоких поперечных валикообразных орнаментальных пояса. Один шириной 3 мм, его валик рассечен косыми вдавленными линиями, между которыми нанесены точечные углубления. Второй орнаментальный пояс в форме невысоко приподнятой прямоугольной площадки шириной 6 мм с продавленными очертаниями ромба на ней. Внутри ромба угадываются продавленные линии решетки с выпуклостями ячеек между ними.

Красноглиняный кувшин (рис. 8, 1). Сосуд круговой, вертикальных пропорций, плоскодонный, хорошего и равномерного обжига, целый, за исключением рукояти (от нее сохранились верхний выступ на венчике и основание в виде налепа на верхней части тулова) и утраченных фрагментов венчика. Венчик с отогнутым наружу краем, образующим пологую площадку шириной 2 см. Шейка невысокая, цилиндрическая, с прямыми стенками. На ней имеются продавленные горизонтальные линии в два ряда. Тулово яйцевидной формы. В его верхней части по всей окружности прочерчена узкая полоса. Ручка реконструируется как петлевидной формы, подпрямоугольная в сечении, шириной 1,6 см и толщиной 1,5 см. Поверхность сосуда снаружи и частично изнутри покрыта красным ангобом, присутствует лощение до блеска. В глиняном тесте незначительные, видимые в изломе примеси мелких частиц песка, минералов и включений белесого цвета. Высота сосуда 35 см, диаметр тулова – 25 см, венчика – 12 см, дна – 14 см, шейки – 10 см, высота шейки – 5,4 см.

Фрагмент железного ножа (рис. 5, 4). Длина фрагмента 9 см, ширина – до 1,8 см.

Имеет хвостовик под рукоять. Длина лезвийной части – 5,5 см, хвостовика – 3,5 см. Толщина обушковой части до 0,7 см. Хвостовик уплощенный, плавно сужающийся. Края лезвийной части параллельные. В сечении лезвие подтреугольное.

Железная пряжка (рис. 5,2). Слегка подовальной формы. Из уплощенного прута. На одной из длинных сторон сохранился прикипевший фрагмент стержневидного изделия. Размеры кольца 2,2 × 2,5 см. Диаметр прута – 0,4–0,6 см.

Фрагмент неопределимого железного пластинчатого изделия (рис. 5,3). Длина – 8,8 см, ширина – 1,3–1,6 см. С параллельными, слегка сужающимися краями, треугольный в сечении. Толщина обушковой части – 0,4–0,6 см. В более узкой части имеются фрагменты двух приваренных тонких пластин шириной по 0,5 см.

Колчан № 1 (рис. 3,III,3). Плохой сохранности, по всей видимости, был выполнен из тонкой древесины, других органических материалов и крупной деревянной планки. Прослеживается по пятну из смеси органики, железных окислов и скоплению бронзовых наконечников стрел с фрагментами древков. Был уложен по линии С–Ю.

Колчан № 2 (рис. 3,III,10). Плохой сохранности, проследить конструкцию колчана не удастся. По всей видимости, стенки колчана выполнены из тонкой древесины и бересты. Прослеживается по пятну из смеси органики, железных окислов и скоплению бронзовых наконечников стрел с фрагментами древков. Длина пятна – 40 см, ширина – 10 см. По расположению фрагментов древка и наконечников стрел можно предположить, что колчан был уложен по линии СВ–ЮЗ. Наконечники расположены в северо-восточной части колчана и ориентированы острием на СВ.

Дисковидное бронзовое зеркало (рис. 8,2). Зеркало сильно окислено и имеет зеленый цвет, находится в футляре из материала с растительными волокнами. Диаметр зеркала, предположительно, 12–15 см. По краю зеркала просматривается валик шириной примерно в 1 см. С одной стороны зеркала имеется клиновидная рукоять-насад длиной 1,5 см.

Наконечники стрел (рис. 8,3) (25 экз.). Бронзовые трехлопастные втульчатые, без

выделенной втулки, со свисающими ниже втулки лопастями и с боковым отверстием у основания втулки. Часто с фрагментами древков внутри втулки. Длина 2,7–3,0 см, ширина по лопастям – 0,8–0,9 см.

Вероятно, сильно коррозированные изделия в контуре пятна колчана № 2 рядом с бронзовыми наконечниками, спекшиеся в бесформенные куски с фрагментами древков внутри, являются остатками железных наконечников стрел неустановимой формы, поэтому в данном случае можем лишь предполагать возможное сочетание в колчанном наборе погребения кург. 3 бронзовых трехлопастных наконечников с внутренней втулкой и треугольной головкой с железными.

Обсуждение

Южная ориентировка погребенных является господствующей как в раннесарматской культуре III–I вв. до н.э., так и в среднесарматской I – первой половины II в. н.э. [Скрипкин, 1990, с. 184]. Погребальную конструкцию в кург. 3 мы склонны относить к типу 5 – подбойные ямы, варианту А – с одним подбоем вдоль длинной стенки (по классификации А.С. Скрипкина), второй по численности форме ям III–I вв. до н.э. в Заволжье и Южном Приуралье, после узких прямоугольно-удлиненных ям, хотя в последнем регионе они довольно малочисленны, а для периода I – первой половины II в. н.э. – единичны [Скрипкин, 1990, с. 179–180, табл. 16]. Представительный сопроводительный инвентарь погребения в кург. 3 позволяет определить более точные хронологическую позицию и культурную принадлежность этого закрытого комплекса.

Прекрасной датирующей категорией инвентаря является оружие. В первую очередь на себя обращает внимание убранный золотом меч. По типологии В.М. Клепикова железный меч из кург. 3 относится к отделу 4 – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием, типу 2 – с серповидным навершием [Клепиков, 2002, с. 21]. Н.Е. Берлизов в рамках отдела 3 – мечи с прямым брусковидным перекрестием и типа 2 – мечи с антенновидным навершием, выделяет такие редкие мечи в подтип 2 – навершие дуговидное завершается шишковидными утолщения-

ми [Берлизов, 2011, с. 90, табл. 37]. Отделка меча золотом позволяет отнести его и к числу парадных / церемониальных мечей / кинжалов [Мордвинцева, Шинкарь, 1999; Зуев, 2016, с. 268].

В Приуралье мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием и серповидным навершием единично появляются в конце IV в. до н.э., а массовое распространение получают в III–II вв. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 29–30]. По размерам меч из кург. 3 относится к мечам максимальной длины – 1,30 м. Такой же длины железный меч с прямым перекрестием, но с более выраженной серповидностью навершия происходит из погр. 7 кург. 2 Увакского могильника на Илеке, датированного К.Ф. Смирновым III–II вв. до н.э. [Смирнов, 1975, с. 60, рис. 18,4]. Он был уложен слева от погребенного головой на юг покойника, от его плеча до стопы. У острия меча, также направленного на север, лежали железные наконечники стрел.

По форме, в том числе чрезвычайно узкому клинку и слабой или умеренной прогнутости серповидного навершия, меч из кург. 3 схож с мечом (длина 1,15 м) из музея Сарapulьского общества родиноведения, найденного около с. Якимкова Бирского уезда, описанного и зарисованного Тальгреном («второй меч», «меч № 2») [Тальгрэн, 1917, с. 21, рис. 1] и с мечами из погр. 11 кург. XIII (длина 1,06 м) и из погр. 6 кург. XX (длина 1,03 м) могильника у деревни Старые Кишишки [Садыкова, 1962, с. 103, 112, табл. VII,15, XI,14]. Старокишшинский могильник А.Х. Пшеничнюк относит к позднепрохоровскому времени и датирует III–II вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1983, с. 109].

Декорированы золотой фольгой прямое перекрестие и серповидное навершие, а также рукоять кинжала из погр. 4 кург. 27 могильника Жутово (раскопки В.П. Шиловой в 1964 г.) конца II – I в. до н.э. Поверх фольги навершие украшено филигранными кольцами из проволоки с поперечными насечками и тамгообразным знаком из гладкой проволоки [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 144, рис. 2, 1].

По схеме покрытия золотыми листами и декорирования навершия меча из кург. 3 схоже с серповидным же навершием меча из Щукинской коллекции ГИМа [Мошкова, 1963, рис. 10]. Здесь также округлыми очертания-

ми выделены концы дров, а место стыка листов в районе рукояти декорировано тесьмой (пластинкой с тремя кантами филигранной проволоки), но без утолщения, так как в отличие от чеботаревского навершия изготовлено, по всей видимости, из цельного дрота, превосходящего диаметром толщину рукояти и приваренным к ее торцу.

Парадные мечи с прямым перекрестием, серповидным навершием и их ножны, украшенные золотой плакировкой с декором и без него, происходящие с территории Заволжья и Волго-Донских степей (находка в Камышинском районе Волгоградской области (обрыв р. Ураковка), могильники Эльтон, Белокаменка, Верхнее Погромное, Жутово, Короли, Барановка-I), В.И. Мордвинцевой и О.А. Шинкарь отнесены к «развитому» раннесарматскому времени, в пределах II в. до н.э. – начала I в. н.э. [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138, 141]. В.Ю. Зуев предлагает прохоровские мечи с золотой отделкой называть церемониальными. Он считает, что церемониальные мечи с серповидным навершием, плакированные золотом, являются наиболее ранними из мечей с серповидным навершием, относя их появление к III в. до н.э. [Зуев, 2013, с. 58; 2016]. Исследователь датирует памятники, в которых они были найдены на Южном Урале, серединой II в. до н.э. – началом I в. до н.э. и связывает их появление здесь с волной сарматского продвижения из Закаспия в Приуралье, в Поволжье, Подонье и далее к Таманскому полуострову и к восточным границам Боспорского царства [Зуев, 2016, с. 268], допуская, что сложение коллективных носителей церемониального оружия происходило в предыдущий период, в III – начале II в. до н.э. за пределами Приуралья и Поволжья.

Отдельного рассмотрения заслуживает золотой декор перекрестия и навершия меча из кургана 3. Цепочками из ромбов украшены золотые браслеты из погр. 6 кург. 5 (III–II вв. до н.э.) V Бердянского могильника [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 145, рис. 11]. Примечательно, что из этого же могильника (погр. 4 кург. 4) происходит схожий с поясным крюком из кург. 3 по материалу, форме в плане и структуре, но выполненный в ином стиле колчаный крюк [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 126, рис. 4,1]. Двумя полосками схо-

жей декоративной «тесьмы» в виде сетки из пересекающихся ломаных линий с зернью в местах их перекрещивания и с филигранными проволочками по краям украшены ножны раннесарматского кинжала из погр. 6 кург. 7 могильника Верхнее Погромное (раскопки В.П. Шилова в 1957 г.) II–I вв. до н.э. Подобная тесьма, по мнению В.И. Мордвинцевой и О.А. Шинкарь, изготавливалась боспорскими мастерами и могла импортироваться сарматами для самостоятельного декорирования изделий [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, 141, 143, рис. 1,2]. Такого рода узоры являются частым декоративным элементом и на поясах каменных скульптур святилищ Байте 1, Карамонке (изваяния 6, 29), Терен (изваяние 4) [Онгарулы и др., 2017, рис. 236, 243, 256, 269]. Время активного функционирования святилищ и скульптур байтинского типа В.С. Ольховский предлагал ограничить периодом от рубежа IV–III вв. до н.э. до начала II в. до н.э., с перспективой его сужения [Ольховский, 2005, с. 135, 149].

Непросто интерпретировать филигранный декор на золотой обкладке перекрестия меча. Схожие по схеме и технике изготовления изображения на перстнях Боспора (конец VI – первая половина V в. до н.э.) М.Ю. Трейстером названы «двойной филигранной пальметтой» [Трейстер, 2023, с. 303, рис. 2,5,7–9]. Подобная фигура на фибуле-броши из Восточного некрополя Неаполя Скифского, склеп-катакомба № 34, конца II – начала I в. до н.э., А.В. Дедюлькиным и Ю.П. Зайцевым трактована как «стилизованный керавн» [Дедюлькин, Зайцев, 2019, с. 145, рис. 4,3]. Керавн, или *κεραυνος*, – понятие, связываемое в древнегреческой мифологии с Зевсом-громовержцем, в семантическом значении означающее «оружие Громовержца», «гром», «молния». В материальном плане – атрибут Зевса, изображаемый в виде «пучка / связки молний» [Балонов, 1988, рис. 2; Никоноров, 2012, рис. 1]. Весьма популярный в древней Греции как атрибут Зевса, этот знак со времен Александра Македонского получил статус символа воинской мощи и высшей политической власти [Никоноров, 2012, с. 496]. В Средней Азии как одно из следствий греческой культурной экспансии в различных модификациях он в течение середины III в. до н.э. – I в. н.э. изобра-

жался на монетах греко-бактрийских и индо-греческих правителей (затем копировался индо-саками, индо-парфянами и юечжами), на памятниках искусства Бактрии, а также Парфии (но изготовленных греко-бактрийскими мастерами) [Никоноров, 2012, рис. 1,2–19, 2].

Считаем более логичным предположение о стремлении и мастера, и заказчика украсить перекрестие меча именно керавном, что близко к восприятию меча как «разящего словно молния оружия». Узор на перекрестии меча из кург. 3 стилистически близок изображению на фибуле-броши из Неаполя Скифского. Близка и датировка последнего изделия – конец II – начало I в. до н.э. Возможно, на обкладке перекрестия представлена такая разновидность керавна, как «крылатый» керавн, также стилизованный [Никоноров, 2012, с. 496, рис. 1, 19].

Таким образом, совокупность морфологических признаков меча и его декора позволяют датировать изделие в целом серединой II – I в. до н.э.

Оба железных кинжала из погребения близки между собой по форме и размерам. В типологии Н.Е. Берлизова такие кинжалы отнесены к отделу 3 – мечи с прямым брусковидным перекрестием, типу 2 – мечи с антенновидным навершием, подтипу 3 – навершие тупоугольное концами вверх [Берлизов, 2011, с. 90, табл. 37]. В.М. Клепиков включил их в отдел IV – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием, тип 2 – с серповидным навершием и отнес к категории коротких мечей (кинжалов) [Клепиков, 2002, с. 21]. Они, как и мечи, имеют широкие хронологические рамки бытования в период раннесарматской культуры.

Датировка кинжалов из кург. 3 может быть уточнена хронологией пришивных бляшек ножен. 4 пришивные бляшки из золота с гладкокатанным филигранным фризом из «ов» находят не так много аналогий. Орнаментальный бордюр из «ов» присутствует на фаларе из кург. 28 у станции Жутово I в. н.э. (раскопки В.П. Шилова в 1964 г.). Но здесь «овы» выполнены вдавлениями и ориентированы срезами к центральной части фалара (срезами вниз) [Засецкая, 2010, рис. 1, 2]. Возможно, объяснение этому кроется в их хронологической позиции и предположении И.П. Засецкой

об изготовлении не в мастерских Северного Причерноморья, а в античных центрах Востока [Засецкая, 2010, с. 118].

Близкую аналогию мы находим в серебряных полусферических фаларах из курганного комплекса сарматского времени из бассейна р. Кирпили (у станицы Новоджерелиевской Брюховецкого района Краснодарского края), имеющих такие же горизонтальные бортики-ранты по кругу [Анфимов Н.В., 1986, рис. 2] и датируемых второй половиной II в. до н.э. [Анфимов Н.В., 1986, с. 189]. Абсолютно идентичен по материалу (гладкая плоская скань), филигранной технике исполнения, расположению на изделии в основании полусферы, концентричной композиции орнаментальный пояс из «ов» на золотой фибуле-броши полусферической формы с горизонтальным бортиком-рантом из погребения у хутора Элитный Краснодарского края [Анфимов И.Н., 1986, рис. 1,3]. «Овы» срезами ориентированы так же, как и на золотых пуговицах, – к внешней стороне (срезами вверх), традиционно для античной орнаментики. И.Н. Анфимов по стилю орнаментации относит фибулу-брошь к продукции боспорских ювелиров [Анфимов И.Н., 1986, с. 195] и датирует погребение временем не позднее последней четверти II в. до н.э., связывая его появление с процессом инфильтрации в степи правобережья Кубани сарматских племен, а именно сираков [Анфимов И.Н., 1986, с. 197].

Пластинчатые петли для пришивания бляшек по форме и по манере крепления к основе концами встык находят полные аналогии в малых полихромных фаларах из погр. 1 одиночного кургана Яшкуль [Очир-Горяева, 2019, рис. 6]. Однако датировка этого погребения остается проблематичной, балансируя между временем «развитой» раннесарматской культуры (II–I вв. до н.э.) и среднесарматской (I в. н.э.) [Очир-Горяева, 2019, с. 19–39]. Тем не менее этот факт указывает на поздние позиции изделий с такими петлями и свидетельствует в пользу их верхней датировки в рамках раннесарматской культуры.

Близиких аналогий еще одной пришивной бляшке из золота – полусферической формы с напаянной по окружности филигранной веревочкой и с петлей для пришивания с внутренней стороны – нам найти не удалось.

В рамках типологии бронзовых бляшек Н.Е. Берлизова пришивная бляшка из серебра из кург. 3 может быть отнесена к типу 2 – полусферические с гладким горизонтальным бортиком-закрайной [Берлизов, 2011, с. 110]. В типологической таблице [Берлизов, 2011, табл. 46Б] такие бляшки показаны с горизонтальной прямой планкой для пришивания. Серебряной бляшке из кург. 3 морфологически идентична бронзовая бляшка из женского грунтового погр. 91 Шиповского могильника [Пшеничнюк, 1976, с. 69, рис. 25,11]. Схожи как уплощенный верх полусферы и горизонтальный пояс по окружности, так и форма петли в виде прямой подпрямоугольной в сечении перекладины и способ ее крепления к бляшке заподлицо с бортиком-рантом. Датируются грунтовые погребения Шиповского могильника концом I в. до н.э. – III в. н.э. [Пшеничнюк, 1976, с. 77]. Из погр. 91 происходит прямоугольная накладка пьяноборского типа [Пшеничнюк, 1976, рис. 24,2]. Для раннепьяноборских памятников традиционным является обилие разнообразных бляшек с петельным креплением, в том числе – полусферические с плоской планкой для пришивания [Голдина, Лещинская, 2018, рис. 14,10,16]. Дата пьяноборской общности II в. до н.э. – IV/V в. н.э. [Голдина, Лещинская, 2018, с. 18–19], что позволяет предполагать раннепьяноборское происхождение серебряной бляшки из кургана 3.

Как видим, датировка кинжалов по пришивным бляшкам также не опускается ниже II в. до н.э., по наиболее близкой аналогии в виде фалара из кургана у хутора Элитный Краснодарского края [Анфимов И.Н., 1986, с. 197, рис. 1,3] – не позже последней четверти II в. до н.э.

Золотые ожерелья со вставками из драгоценных камней и цепочкой сложного плетения являются античными импортами и выступали в сарматском мире аналогами цельнометаллических гривен. По классификации Н.Е. Берлизова цепочка из кург. 3 может быть соотнесена с изделиями отдела 6 – гривны, сплетенные из тонкой проволоки в виде сложной косички, больше соответствуя типу 2 – кольцо в виде двух плетеных жгутов, прикрепленных к центральному золотому полихромному украшению, и вариантам 1 и 2 этого типа

(с центральной золотой полихромной вставкой между двух цепочек сложного плетения) [Берлизов, 2011, с. 121–122, табл. 49, 29, 30], но отличаясь от изделий этих вариантов конструкцией застежек.

Поскольку предполагаемый центральный элемент ожерелья утрачен, а сложное двойное плетение в древности было широко распространено в пространстве и во времени, то наиболее информативной (в плане датирования и источника происхождения) частью чеботаревского украшения являются застежки, включая форму и декор. Его особенностью являются щитковые застежки с объемными полыми гнездами с тыльной стороны для закрепления в них концов цепочки. Такого типа застежки у ожерелья-тесмы с тремя рядами подвесок из раскопок И.К. Айвазовского в 1853 г. кург. 1 в Феодосии (собрание Государственного Эрмитажа), датированного 330–300 гг. до н.э. [Уильямс, Огден, 1995, кат. № 201], греческого хормоса (ошейника) конца IV – III в. до н.э. из Южной Италии, собрание Метрополитен-музея [Gold Necklace], ожерелья из «Ювелирных изделий Ганимеда» (ок. 330–300 гг. до н.э.) из Салоник в Македонии, собрание Метрополитен-музея [Ganymede Jewelry]. Общими элементами застежек указанных украшений являются филигранная техника декора, в том числе бордюры из бусиной (с поперечными насечками) и гладкой проволоки и V-образные фигуры («шевроны» или «овы»), обращенные верхней частью к филигранному бордюру по нижней части щитка, гнезда для крепления на тыльной стороне щитка. V-образные фигуры («шевроны»), также обращенные верхней стороной к бордюру из филигранной проволоки, присутствуют и на золотой подвеске в виде «палицы Геракла» Херсонеса Таврического (раскопки Х. Лепера, 1912 г., урна 53) из собрания Государственного исторического музея, датированной не позднее первой половины III в. до н.э. [Журавлев и др., 2017, кат. № 120, с. 69–71, табл. 39, 40, 41].

Щитковая форма застежки предполагает и соответствующую конструкцию гнезда для крепления к ней цепочки, а также петель. У всех трех приведенных аналогий петли в виде колец. Вероятно, первоначально такие же петли были и у чеботаревского ожерелья, до

их утраты. Более поздние римские и парфянские ожерелья-импорты часто не имеют щитков-застежек, разной длины цилиндрическое или коробчатое гнездо крепления цепочки переходит непосредственно в петлю [Трейстер, 2018, рис. 13, 1, рис. 14, 2; Симоненко, 2011, рис. 58].

Датированные аналогии щитковым застежкам ожерелья из кург. 3 укладываются в последнюю треть IV–III вв. до н.э., что является наиболее ранней датой для вещей из кургана 3. Учитывая сильную изношенность, неоднократные ремонты, можно предполагать непростую и длительную историю существования цепочки-ожерелья из кург. 3 могильника Чеботарево IV и допускать помещение ее в погребение в значительно более позднее время.

Плакированный золотом железный поясной крюк с зооморфным оформлением является, как и плакированная золотом железная колчанная застежка, уникальным артефактом, которому заведомо трудно найти полную аналогию. Как упоминалось выше, близкое по материалу и форме в плане и меньшее по размеру изделие (диаметр 5,6 см) происходит из погр. 4 кург. 4 (III–II вв. до н.э.) V Бердянского могильника [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 126б рис. 4, 1]. Щиток крюка декорирован филигранной шестилепестковой розеткой, инкрустированной голубой стекловидной пастой. Крюк в сечении подквадратный, но так же, как и чеботаревский, имеет между двумя валками сквозное отверстие в 0,5 см диаметром для привязывания. В данном случае изделие изготовлено для использования в качестве колчанного, а не поясного крюка. Однако бросается в глаза, что выполнены оба изделия по одному стандарту и, не исключено, могут происходить из одного производственного центра или мастерской. Схожие по форме в плане поясные крюки с идентичным типом крепления к поясу отчетливо изображены на каменных скульптурах байтинского типа святилищ Байте 3, Карамонке (изваяние 29) и Канай [Онгариулы и др., 2017, рис. 176, 274]², о датировке которых упоминалось выше. Учитывая хронологию святилищ и погр. 4 кург. 4 V Бердянского могильника, считаем, что поясной крюк из кург. 3 можно датировать III–II вв. до н.э.

На крюке изображены три видных представителя местной фауны – волк, собака (близкая по облику среднеазиатской овчарке), сайга. По мнению И.П. Засецкой, все дополнительные и сопутствующие элементы на фантастическом изображении с образом волка вторичны, главный семантически значимый образ здесь – образ волка [Засецкая, 2012, с. 73]. Е.Ф. Королькова считает, что образы фантастических животных, которые часто называют «носатым волком» или драконом, имеют «центральноазиатское происхождение и бытуют длительное время в искусстве звериного стиля на территории Сибири и Средней Азии, а затем становятся характерным мотивом сарматского искусства» [Королькова, 2008, с. 28].

Как показывает Я.А. Лукпанова, культ волка в культуре населения Казахстанского Приуралья был широко распространен еще в VI–IV вв. до н.э. [Лукпанова, 2021]. Поясной крюк из кург. 3 могильника Чеботарево IV свидетельствует о продолжении бытования этого образа, но в несколько другой трактовке. Рассмотренные Я.А. Лукпановой изображения волка из погребений VI–IV вв. до н.э. могильников Бесоба, Сынтас, Володарка, Булдуры, Тонкерис, Кырык-Оба, Таксай-1, Таксай-3 в Казахстанском Приуралье [Лукпанова, 2021, рис. 1–5] рельефны, морды показаны с оскаленной пастью, хорошо обозначены зубами и клыками. Череп низкий и покатый, показано ухо, глаз миндалевидный, морда узкая, часто экстремально удлиненная, нос приплюснутый, иногда обозначен спиральными завитками по бокам ноздри. На поясном крюке морда и черепная коробка широкие, пасть не обозначена, нос мощный, в форме поперечного валика с косой штриховкой, череп угловатый, с надглазничным и затылочным валиками, ухо отсутствует, форма глаза округлая. Единственным декоративным элементом, «разбивающим» гладкие поверхности, являются ряды косых коротких и узких вдавлений по валикообразным линиям носа, лба, затылка. Морда волка смоделирована на длинном стержне крюка, без выраженных шеи и туловища, формируя синкретичный образ волчьей головы на длинной условной шее / туловище.

Из всех разновидностей выделенных И.П. Засецкой художественных образов вол-

чьего мотива композиция на поясном крюке больше всего соответствует волку-змее (волчья голова и длинное бескрылое тело, змеевидное тело) [Засецкая, 2012, с. 72–73]. Именно к этому образу отнесены исследовательницей изображения волка с поясной пластины I в. н.э. из кург. 3 могильника Хапры у с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области (раскопки И.А. Гордина в 1988 г.) [Королькова, 2008, рис. 17; Засецкая, 2012, с. 72, рис. 6, рис. 7, 10]. Этот волк-змея схож с изображением на поясном крюке по таким чертам, как крутой лоб, круглый абрис глаза, схожие пропорции носа и черепа, длинное безногое змееподобное тело. Но стилистическое оформление иное.

Колчанная железная застежка, плакированная золотой фольгой, по классификации Н.Е. Берлизова относится к типу 2 – стержневидные с перехватом посередине [Берлизов, 2011, с. 85], но к какому-либо варианту в рамках разработанной им типологии этих изделий ее отнести сложно. Бронзовая стержневидная застежка с узким перехватом в центральной части и гофрированным оформлением концов происходит из Блюменфельдского кург. A12, исследованного Б.Н. Граковым в 1925 г. и датируемого V в. до н.э. [Смирнов, 1961, рис. 9, 13]. Золотая массивная литая колчанная застежка, выполненная в форме сходящихся под тупым углом фрагментов лошадиных конечностей в составе: сочленения пясти, путовой кости и копыта, обнаружена в 1-м Филипповском кургане IV в. до н.э. (по А.Х. Пшеничнюку) в Южном Приуралье [Пшеничнюк, 2012, рис. 47, 4, вклейка, фото 17, 1]. Она имеет такой же узкий перехват в центральной части, как и чеботаревская.

Схожая с чеботаревской костяная застежка обнаружена при раскопках городища Ак-Кая (с. Вишенное, Белогорский р-н, Центральный Крым) в слое конца III – начала II в. до н.э. Застежка в виде круглого в сечении стержня длиной 6,2 см и толщиной в среднем 0,7 см, с перехватом в центральной части и симметричными диаметрально расположенными шпулевидными окончаниями. Причем застежки для колчана считаются нетипичными для позднескифского времени [Шкрибляк, 2011, рис. 1]. Не исключено, что застежка из Ак-Кая могла иметь сарматское происхождение.

ние, так как схожей формы костяные застёжки найдены в сарматском погребении у Визенмиллера (II группа, кург. 4, погр. 3) VI–II вв. до н.э., вырезанные из фаланг пальца [Мошкова, 1963, с. 35, табл. 20, 15].

Типологически близкие застёжки из Ак-Кая и Визенмиллера позволяют поместить колчанную застёжку из кург. 3 могильника Чеботарево IV в широкие хронологические рамки VI–II вв. до н.э., но с учетом времени бытования церемониального оружия считать более вероятной верхнюю дату этого интервала. Нетипичность для позднескифской культуры Крыма может указывать на то, что наша застёжка имеет не причерноморское происхождение.

Красноглиняные гончарные кувшины с одной ручкой происходят из погр. 14 кург. XIII могильника у деревни Старые Кишки [Садыхова, 1962, с. 105, табл. VIII, 14], из погр. 2 кург. 19 Бишунгаровского могильника, погр. 1 кург. 3 Лекандинского могильника [Пшеничнюк, 1983, табл. VII, 24, табл. XXIII, 11]. Причем в погр. 2 кург. 19 Бишунгаровского могильника такой сосуд встречен в комплексе с двумя кинжалами и длинным мечом, весьма схожими с изделиями из чеботаревского кург. 3 [Пшеничнюк, 1983, табл. VII, 24, табл. XXIII, 14–16]. А.С. Скрипкин эти кувшины отнес к числу красноглиняных сосудов среднеазиатского производства, датируя их III–II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 158].

Схожий кувшин, отличающийся большим диаметром дна и, соответственно, меньшей профилированностью тулова, происходит из могилы 2 кург. 2 могильника Близнецы на Илеке [Смирнов, 1975, рис. 15, 2]. К.Ф. Смирнов отнес его к числу красноглиняных хорезмийских кувшинов и датировал ранней кангуйской эпохой, не позже III в. до н.э. [Смирнов, 1975, с. 53].

Основная часть дисковидного бронзового зеркала из кург. 3 перекрыта остатками футляра, поэтому невозможно на данный момент судить о наличии / отсутствии других (помимо валика и короткого клиновидного насада) культурных и хронологических признаков. Зеркало из кург. 3 по классификации А.С. Скрипкина относится к самому массовому типу отдела 4 (зеркал с валиком по краю диска) – типу 4.7, с клиновидной ручкой [Скрипкин, 1990, с. 94–95, рис. 35, 14], имея ми-

нимальную для этого типа длину ручки и средний диаметр диска. Зеркала с валиком по краю диска бытовали у сарматов в период с рубежа IV–III вв. до н.э. по I в. н.э. [Скрипкин, 1990, с. 150–153], основной период существования зеркал типа 4.7 – III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 151].

По классификации В.М. Клепикова бронзовые наконечники стрел из кург. 3 относятся к типу 1 – бронзовые наконечники стрел с внутренней втулкой, подтипу 2 – с треугольной головкой, варианту «а» – головка трехлопастная, с шипами, опущенными ниже втулки [Клепиков, 2002, с. 39, рис. 6, 26] и отличаются довольно высоким трехгранным бойком. М.Г. Мошкова пишет о стабильности типов бронзовых наконечников прохоровской культуры, с одной стороны, прослеживая лишь эволюцию их пропорций за счет удлинения и заострения головки и превращения ее в узкий треугольник, с другой стороны [Мошкова, 1962, с. 81]. Наличие таких явно выраженных поздних признаков у наконечников стрел из кург. 3 позволяет отнести их к интервалу III–II вв. до н.э. разработанной М.Г. Мошковой периодизации такого рода изделий [Мошкова, 1962, с. 78].

Предполагаем, что сильно коррозированные изделия в контуре колчана № 2 рядом с бронзовыми наконечниками, спекшиеся в куски с фрагментами древков внутри, являются остатками железных наконечников стрел неустановимой формы головки. По характеру фрагментов древков можно предполагать, что, по крайней мере, часть из них относилась к втульчатому типу. Появление в колчаных наборах ранних сармат железных наконечников стрел и сочетание их в наборах с бронзовыми наконечниками относится к IV в. до н.э., широкое распространение железных черешковых и втульчатых наконечников отмечается для III–II вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 70; Мошкова, 1962, с. 81–82]. Полностью господствуют они начиная с конца II – начала I в. до н.э., причем, по наблюдениям М.Г. Мошковой, в Приуралье и Башкирии процесс полной замены бронзовых наконечников железными происходил медленнее, чем в Поволжье [Мошкова, 1962, с. 82].

Схожее с железной пряжкой из кург. 3 изделие из погр. 10 кург. 7 конца IV – III в.

до н.э. Мечетсайского могильника, К.Ф. Смирнов определил в качестве овальной пряжки от пояса [Смирнов, 1975, с. 125, 130, рис. 47,5]. В нашем случае она также может быть приурочена к поясу. Однако не в качестве собственно пряжки для застегивания пояса (так как эту функцию здесь выполняет поясной крюк), а для прикрепления к поясу одного из предметов амуниции. Железная пряжка из кург. 3 в типологической схеме Н.Е. Берлизова может быть отнесена к группе I – железные пряжки, отделу II – пряжки с подвижным язычком, подотделу II.1 – без обоймы, тип 1 – пряжки с круглой рамкой и прямым язычком, вариант 1 – пряжки малого диаметра [Берлизов, 2011, с. 128–129, табл. 52]. Железные пряжки с подвижным язычком «известны без особых изменений формы с савроматского по позднесарматское время» [Скрипкин, 1990, с. 97].

Холодное оружие, поясной крюк, способы ношения кинжалов находят яркие визуальные параллели и подтверждения в иконографии каменных скульптур святилищ Устюрта и Мангистау [Ольховский, 2005; Онгарулы и др., 2017]. На скульптурах байтинского типа часто изображены два коротких меча-кинжала, крепившихся к поясу и к бедру правой ноги. Такой схеме соответствует положение двух кинжалов в погребении кургана 3. Один из кинжалов (акинак № 1) уложен справа от погребенного, в верхней части правого бедра, другой (акинак № 2) – в ногах. Судя по расположению поясного крюка, железных ножа и пряжки, колчана № 2, акинак № 2 был уложен пристегнутым к поясу вместе с остальной амуницией. Но на байтинских стелах нет изображений длинного меча. Соответственно, на них отсутствует оружейный набор из двух кинжалов и меча. Как нет и изображения двух колчанов.

Наиболее полный набор вооружения из кург. 3 иконографически представлен на фигурках из Сапоговского клада [Толмачев, 1913, табл. 1 и 2]. Но и у них отлито только по одному колчану. Либо мы имеем случай на практике использования более одного колчана, не нашедший своего иконографического воплощения в известных нам раннесарматских изображениях, либо под клинком меча в кург. 3 залежали остатки иного изделия из органических материалов, имеющего определенную связь со стрелами.

У шести металлических фигур Сапоговского клада имеются длинные мечи [Толмачев, 1913, табл. 1, 1, 2, 5, табл. 2, 1, 2, 3], у большинства из которых показаны прямые перекрестья, у одного четко обозначено (у двух других угадывается) серповидное навершие. В пяти случаях меч размещен почти поперек пояса воина, эфесом под правую руку. В одном случае – на правой стороне груди (вероятно, на перевязи), хватом под левую руку [Толмачев, 1913, табл. 1, 5]. У шести фигур (в том числе у четырех с длинными мечами) имеются по 1–2 кинжала с прямыми перекрестьями и серповидными навершиями [Толмачев, 1913, табл. 1, 5, табл. 2, 1–5]. Но манера их ношения иная, чем у погребенного в кург. 3 и на скульптурах байтинского типа – на передней стороне бедра, с охватом ноги ремнем по нижней части ножен.

Заключение

Рассмотренные аналогии, типологическая принадлежность и датировки сопроводительного инвентаря из погребения в кург. 3 дают наиболее широкий хронологических диапазон бытования составляющих его вещей в пределах III в. до н.э. – I в. н.э. Пришивные бляшки на ножнах кинжалов, меч с золотой плакировкой и золотой декор на нем позволяют сузить дату погребения до последней четверти II – начала I в. до н.э. Это самые возможные узкие хронологические рамки комплекса. Не исключено их расширение на полвека в ту или иную сторону согласно традиционно более широким датировкам мечей с серповидным навершием, мечей и ножен с золотыми плакировкой и декором.

Погребение в кург. 3 могильника Чеботарево IV территориально, хронологически и по характеру инвентаря с церемониальным оружием может быть включено в круг синхронных памятников раннесарматского времени, локализующийся на территории Оренбургской области Российской Федерации в пределах южнее и севернее среднего течения р. Урал: Красногорский курган, кург. 4 могильника Горбатый мост, погр. 4 кург. 4 V Бердянского могильника, погр. 1 кург. 1 южной группы курганов Прохоровского могильника, погр. 2 кург. 17 могильника Прохоровка 2

[Зуев, 2012, рис. 17]. Группа компактная и на настоящее время немногочисленная. Но, учитывая открытие такого комплекса в могильнике Чеботарево IV, имеет тенденцию количественного и территориального расширения, с включения в нее памятников с казахстанской части правобережья р. Урал. В этой группе чеботаревский кург. 3 на данный момент является самым западным.

То обстоятельство, что в кург. 3 не было иных захоронений, сам могильник состоял из разновременных и дисперсно расположенных курганов, может свидетельствовать в пользу кратковременности политического контроля над местностью потестарной единицы, представителем которой был погребенный в кург. 3. Но уверенно об этом судить трудно, так как не известна точная культурная и хронологическая позиция курганов близлежащего крупного могильника раннего железного века Чеботарево III.

Принимая во внимание наблюдения И.П. Засецкой над различиями между античной и восточной техниками изготовления золотых объемных изображений на пластичной основе (тиснение и басма, соответственно), об использовании при моделировании в технике басмы черной смолы [Засецкая, 2010, с. 118], которая в окаменевшем виде «подстилает» и золотую плакировку навершия меча, поясного крюка и колчанной застежки, осто-

рожно предполагаем, что поясной крюк и колчанная застежка могут иметь восточное происхождение. В восточной технике могло быть смоделировано и объемное золотое перекрытие стыка рукояти меча и дротов навершия, возможно, с применением тесьмы боспорского происхождения. Возможная связь изображения керавна на мече с подобной символикой на монетах и памятниках искусства эллинистической Средней Азии, сходство в расположении в могиле оружия с манерой его ношения на байтинских стелах, ювелирная техника басмы как будто свидетельствуют о южном и среднеазиатском векторе связей основного комплекса материалов из кург. 3. Античного происхождения цепочка в этой коллекции, как и золотые бляшки, могла иметь более сложную историю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта: BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

The article was prepared within the framework of the project: BR20280993 «Kazakhstan in antiquity and the Middle Ages: Systematization and analysis of archaeological sources».

² Выражаем благодарность К.А. Жамбулатову за консультацию по этому вопросу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

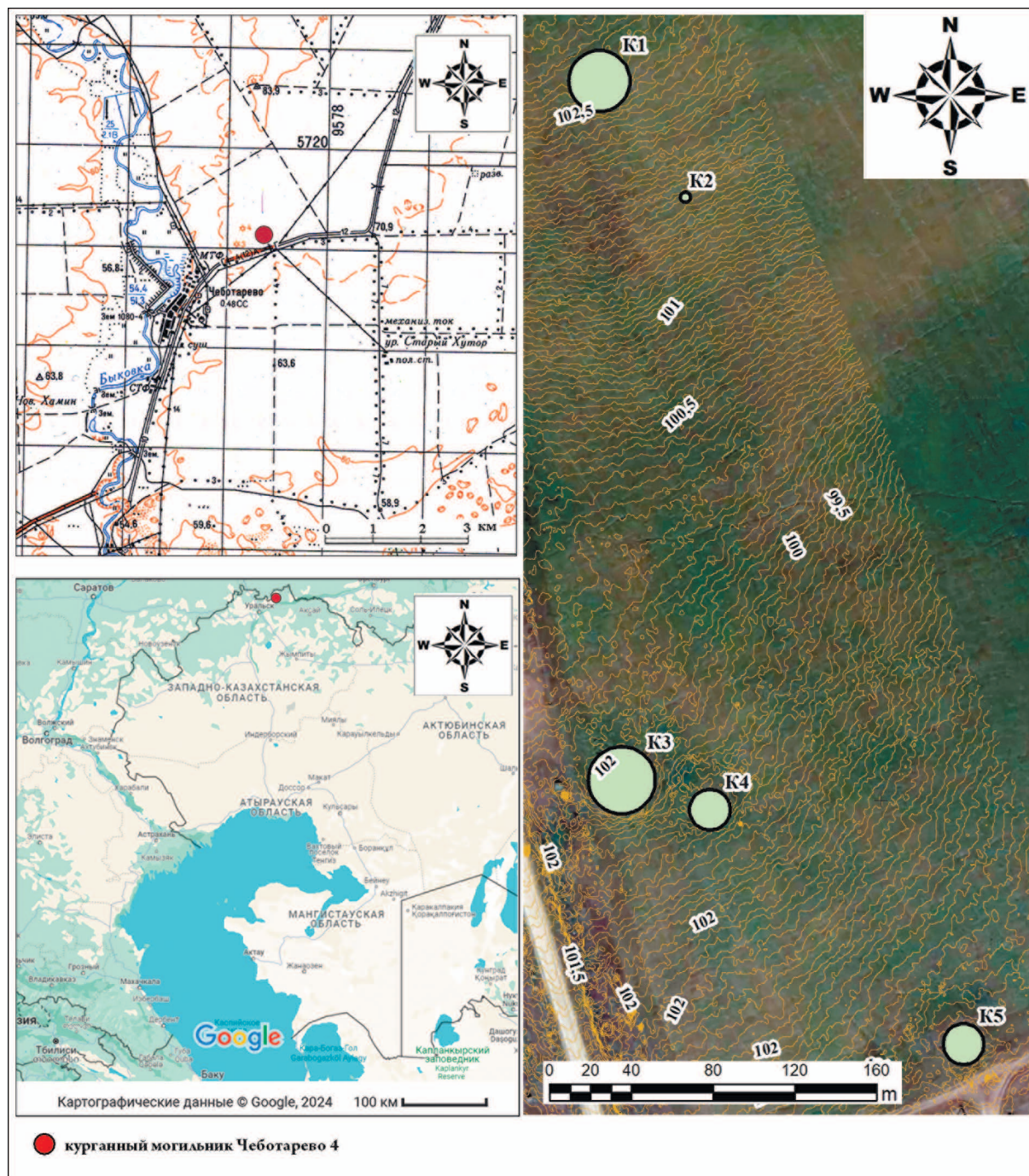

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Чеботарево IV (чертежи С.В. Захарова, Д.В. Сорокина)

Fig. 1. Location of the kurgan cemetery Chebotarevo IV (the plans by S.V. Zakharov and D.V. Sorokin)

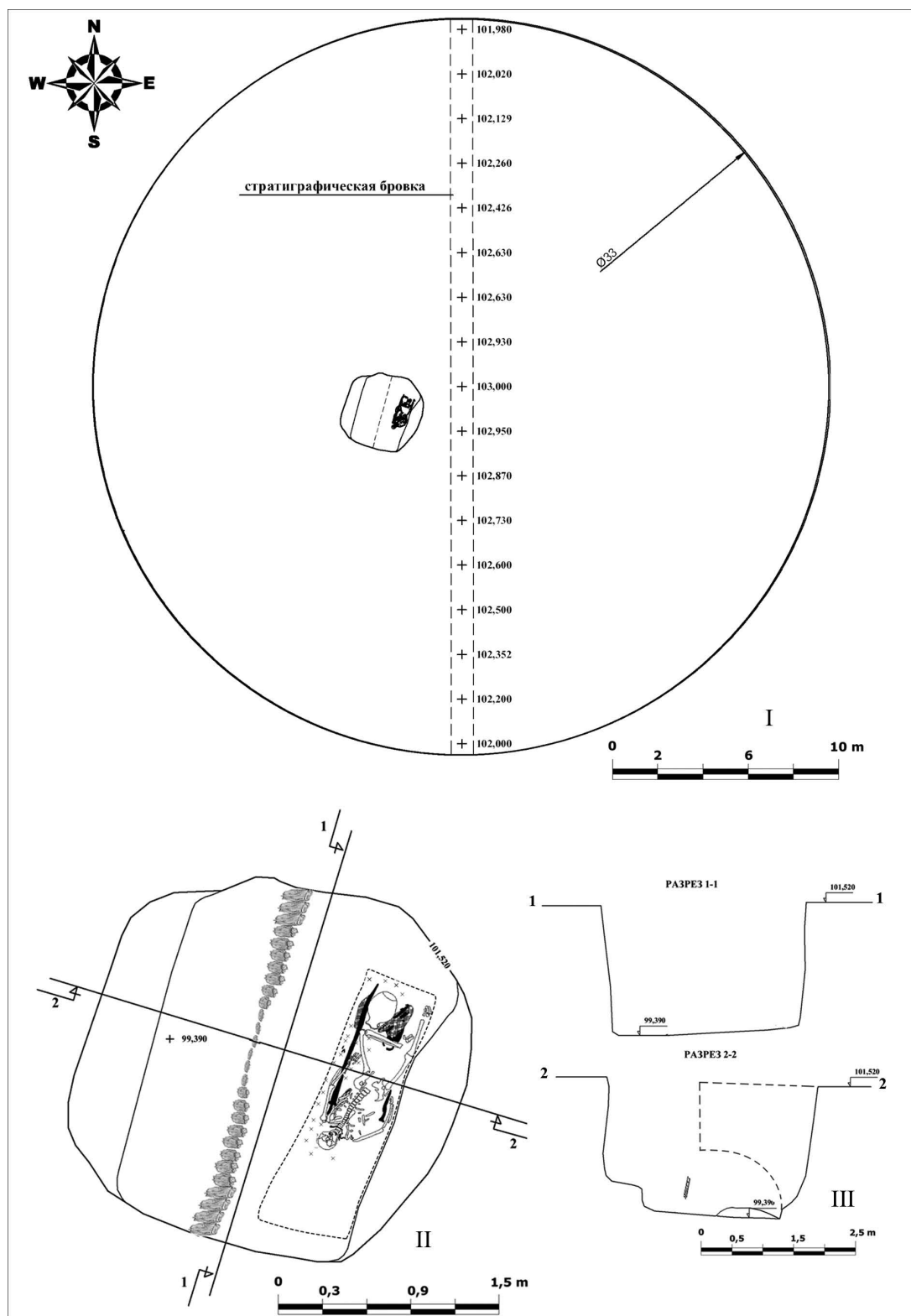

Рис. 2. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение
(чертежи Д.В. Марыксина, Д.В. Сорокина):

I – план кургана; II – план могильной ямы и погребения; III – разрезы могильной ямы

Fig. 2. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial (the plans by D.V. Maryksin, D.V. Sorokin):

I – plan of the kurgan; II – plan of the burial pit and burial; III – sections of the burial pit

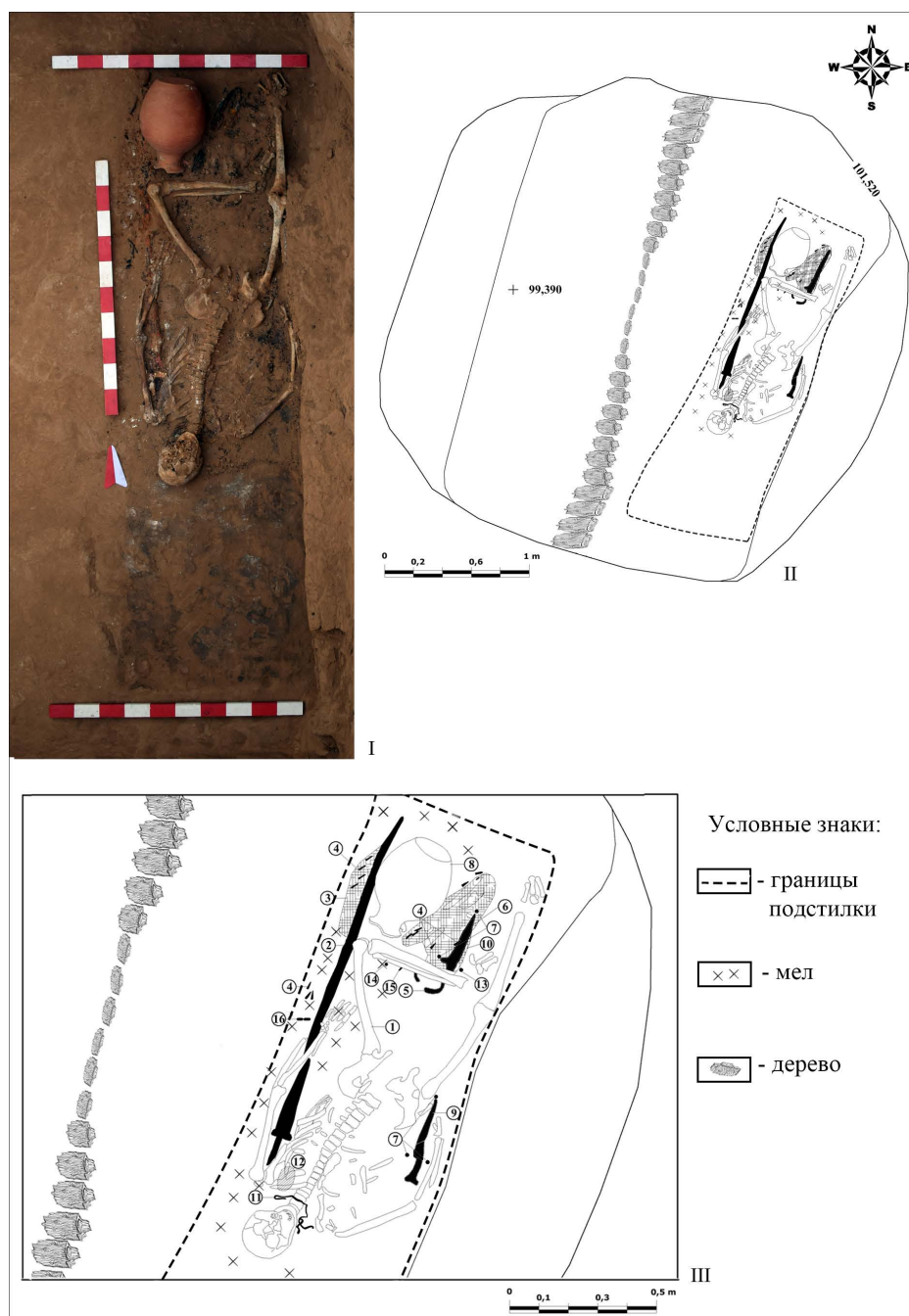

Рис. 3. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение
(чертежи Д.В. Марыксина, Д.В. Сорокина, фото Д.В. Марыксина):

I – фото погребения, вид сверху; *II* – план погребения; *III* – план погребения и сопроводительного инвентаря (увеличено): 1 – скелет погребенного; 2 – меч; 3 – колчан № 1; 4 – наконечники стрел; 5 – поясной крюк; 6 – акинак № 2; 7 – золотые бляшки; 8 – керамический сосуд; 9 – акинак № 1; 10 – колчан № 2; 11 – золотая цепочка (ожерелье / гривна); 12 – бронзовое зеркало в футляре; 13 – серебряная бляшка; 14 – железная пряжка; 15 – железный нож; 16 – колчанная застежка

Fig. 3. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial
(the plans by D.V. Maryksin and D.V. Sorokin, photo by D.V. Maryksin):

I – photo of burial, top view; *II* – burial plan; *III* – burial plan and accompanying inventory (enlarged): 1 – skeleton of the buried; 2 – sword; 3 – quiver No. 1; 4 – arrowheads; 5 – belt hook; 6 – akinake No. 2; 7 – gold plaques; 8 – ceramic vessel; 9 – akinake No. 1; 10 – quiver No. 2; 11 – gold chain (necklace/torc); 12 – bronze mirror in a case; 13 – silver plaque; 14 – iron buckle; 15 – iron knife; 16 – quiver clasp

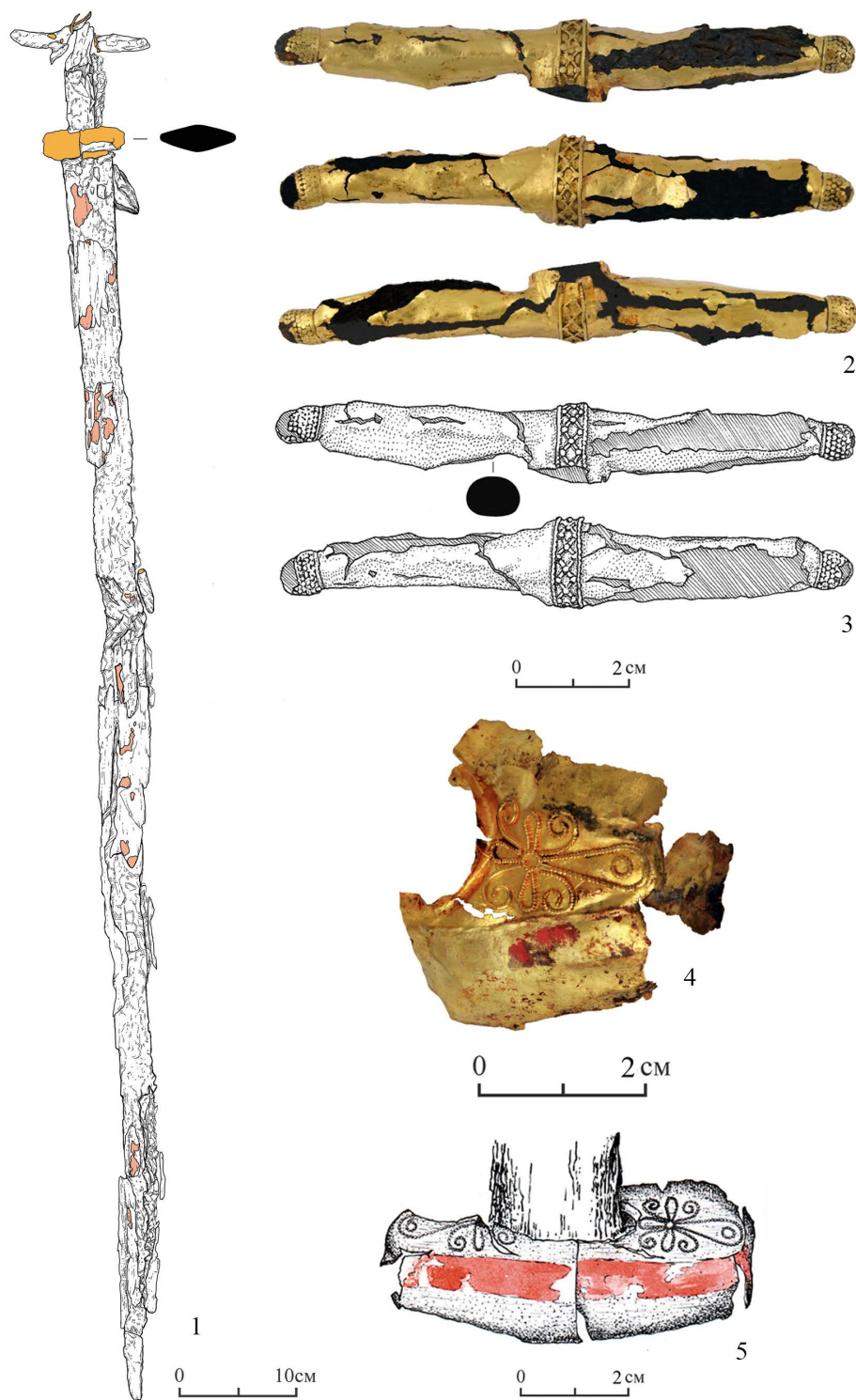

Рис. 4. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение (фото С.В. Захарова, рисунки А.Ю. Хавталовой (1, 3), А.В. Кузьминой (5)):

1 – меч; 2, 3 – навершие меча (частичная реконструкция);
4 – золотая плакировка перекрестия меча (фрагмент); 5 – перекрестие меча

Fig. 4. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial (photo by S.V. Zakharov, drawings by A. Yu. Khavtalo (1, 3), A.V. Kuzminova (5)):

1 – sword; 2, 3 – sword pommel (partial reconstruction);
4 – gold plating of sword crossguard (fragment); 5 – sword crossguard

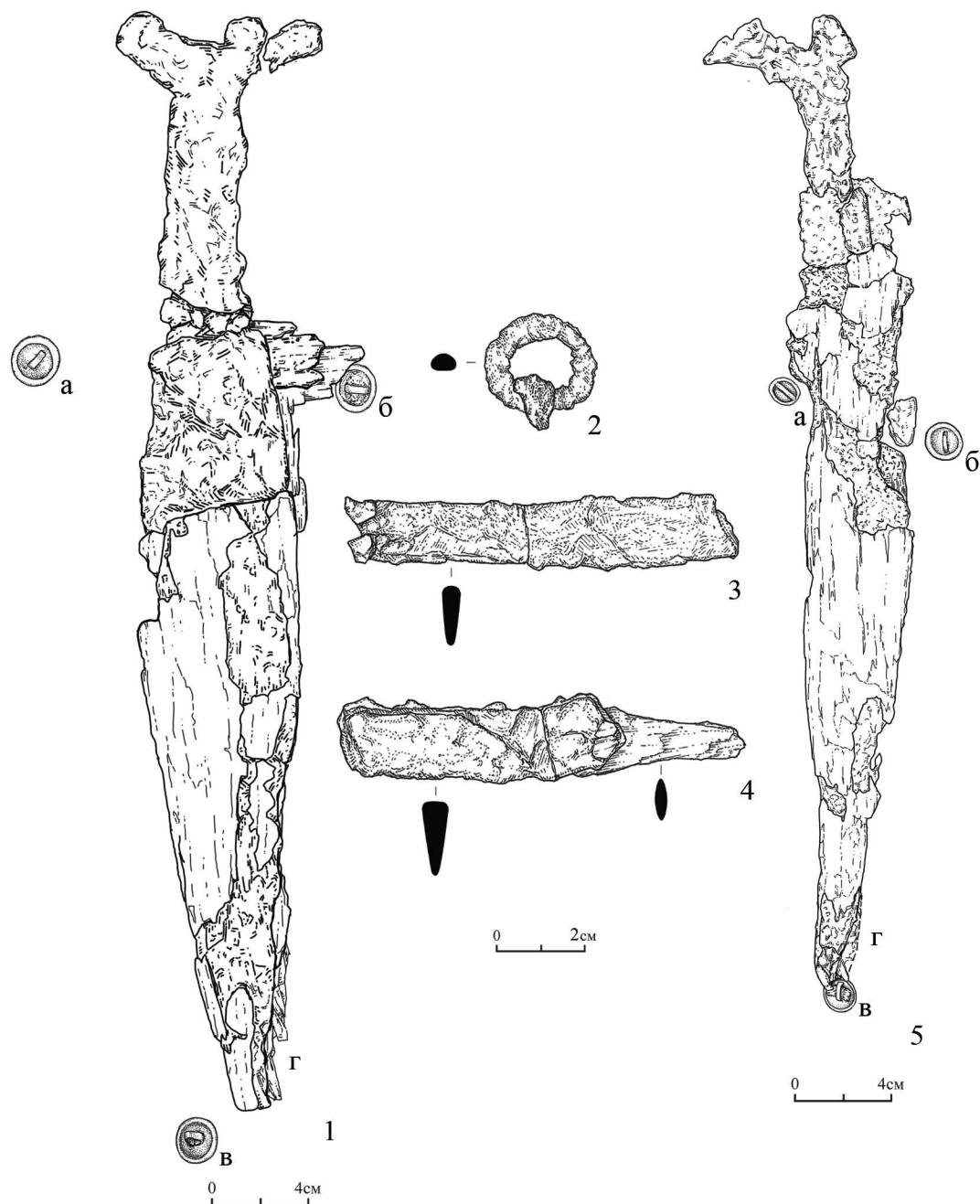

Рис. 5. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение, сопроводительный инвентарь (рисунки А.Ю. Хавталовой):

1 – кинжал (акинак № 1) с бляшками: а, б, в – золотые бляшки, г – кинжал; 2 – пряжка;
3 – железное пластинчатое изделие (фрагмент); 4 – нож (фрагмент); 5 – кинжал (акинак № 2) с бляшками:
а – серебряная бляшка, б, в – золотые бляшки, г – кинжал

Fig. 5. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial, accompanying inventory (drawings by A. Yu. Khavtalo):

1 – dagger (akinak No. 1) with plaques: а, б, в – gold plaques, г – dagger; 2 – buckle; 3 – iron plate item (fragment);
4 – knife (fragment); 5 – dagger (akinak No. 2) with plaques: а – silver plaque, б, в – gold plaques, г – dagger

Рис. 6. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение. Золотая цепочка (ожерелье / гривна)
(фото С.В. Захарова, рисунки А.В. Кузьминовой)

Fig. 6. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial. Gold chain (necklace/torc)
(photo by S. V. Zakharov, drawings by A. V. Kuzminova)

Рис. 7. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение
(фото С.В. Захарова, рисунки А.Ю. Хавталовой (1, 8), А.В. Кузьминой (2–7)):

1 – поясной крюк; 2–7 – бляшки (2–6 – золото, 7 – серебро); 8 – колчанная застёжка

Fig. 7. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial
(photo by S.V. Zakharov, drawings by A.Yu. Khavtalova (1, 8), A.V. Kuzminova (2–7)):

1 – belt hook; 2–7 – plaques (2–6 – gold, 7 – silver); 8 – quiver clasp

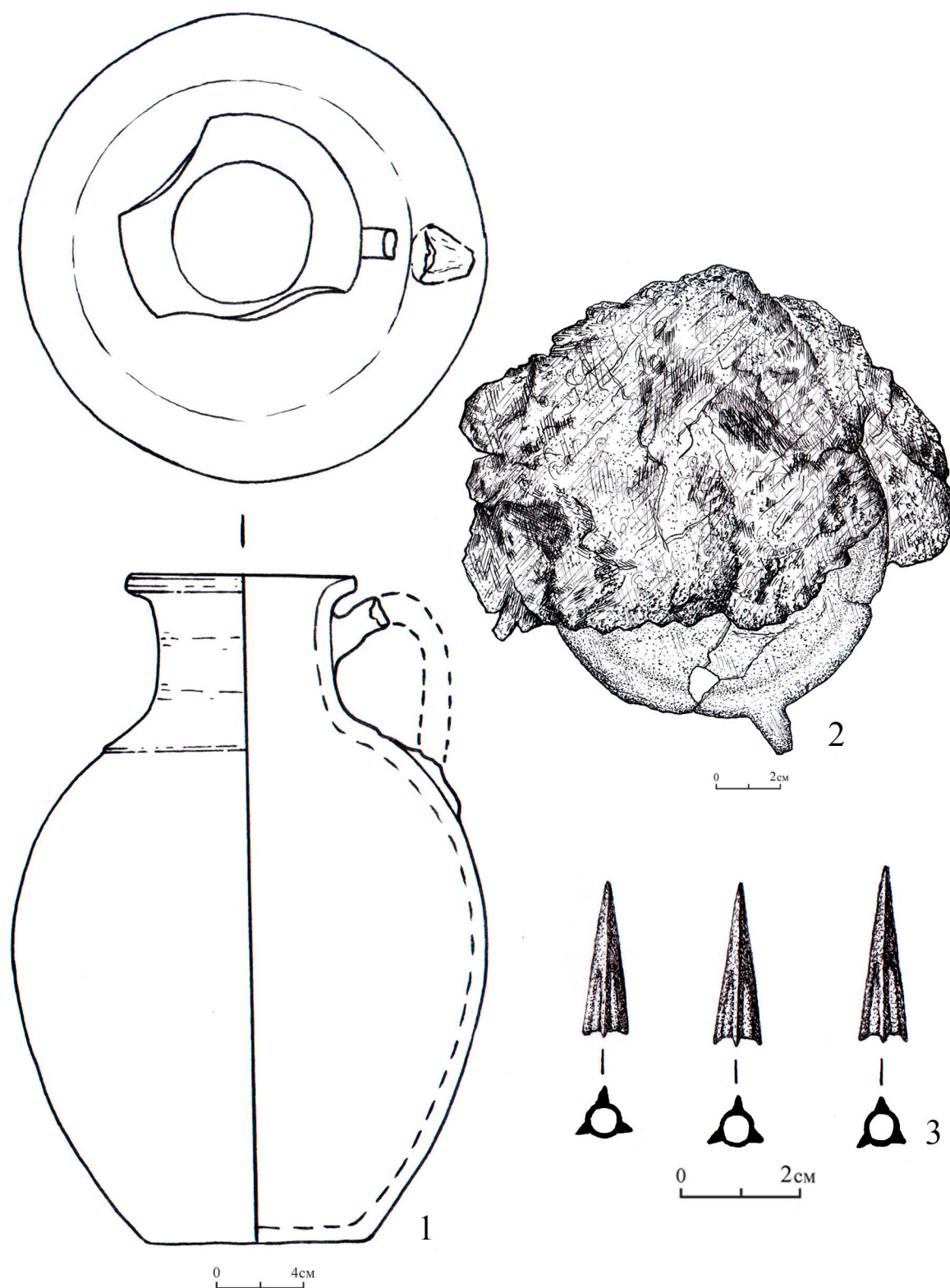

Рис. 8. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение (рисунки А.В. Кузьминовой):

1 – кувшин; 2 – зеркало в футляре; 3 – наконечники стрел

Fig. 8. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial (drawings by A.V. Kuzminova):

1 – jug; 2 – mirror in a case; 3 – arrowheads

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов И. Н., 1986. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 190–197.
- Анфимов Н. В., 1986. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 183–190.
- Балонов Ф. Р., 1988. Семантика *κεραυνοί* и *фармаков* в греческой иконографии и мифологии // Жизнь мифа в античности : материалы науч. конф. «Випперовские чтения – 1985». Вып. 18, ч. 1. М. : Сов. худож. С. 173–199.
- Берлизов Н. Е., 2011. Ритмы Сарматии: Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. 1. Краснодар : КГУКИ ; Парабеллум. 318 с.
- Голдина Р. Д., Лещинская Н. А., 2018. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей. № 1. С. 17–55.
- Дедюлькин А. В., Зайцев Ю. П., 2019. Эллинистические фибулы-броши // Вестник Танаиса. Вып. 5, т. 1. Ростов н/Д : Альтаир. С. 140–153.
- Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С., 2017. Золото Херсонеса Таврического : (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М. : Внешторгиздат. 360 с.
- Захаров С. В., Марыксин Д. В., 2024. Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык // Маргулановские чтения – 2024 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Баянаул, Павлодар, 23–25 мая 2024 г. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 1. С. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.226.243>
- Засецкая И. П., 2010. Декоративное оформление больших фаларов из погребения I века нашей эры у станции Жутово (к вопросу о происхождении сарматского звериного стиля) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 114–129.
- Засецкая И. П., 2012. Образ волка в сарматском искусстве I в. н.э. // Вояджер: мир и человек. № 3. С. 63–73.
- Зуев В. Ю., 2012. Красногорский курган // Золото, конь и человек : сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев : Скиф. С. 385–410.
- Зуев В. Ю., 2013. О времени активного выступления сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія, політологія. Вип. 7–8. С. 51–63.
- Зуев В. Ю., 2016. К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура : материалы третьего Круглого стола, проводимого в рамках проекта «Боспорский феномен». СПб. : ПАЛАЦЦО. С. 259–276.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Королькова Е. Ф., 2008. Сарматские украшения и сибирское золото древних кочевников // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб. ; Азов : Изд-во Азов. музея-заповедника. С. 15–28.
- Лукпанова Я. А., 2021. Культ волка в культуре населения Казахстанского Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археология евразийских степей. № 6. С. 132–147. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.132.147>
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Печатный дом «Димур». С. 124–146.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 138–148.
- Мошкова М. Г., 1962. О ранних втульчатых наконечниках стрел // Краткие сообщения института археологии. Вып. 89. С. 77–82.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. М. : Изд-во АН СССР. 56 с.
- Никоноров В. П., 2012. Перун Зевса на «Дальнем Востоке» античного мира // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН, Периферия. С. 496–504.
- Ольховский В. С., 2005. Монументальная скульптура населения Западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. : Наука. 299 с.

- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р., 2017. Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 320 с.
- Очир-Горяева М. А., 2019. Погребение воина-всадника из курганной группы Яшкуль // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Вып. 4. С. 5–60. DOI: <http://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>
- Пшеничниук А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 35–131.
- Пшеничниук А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 200 с.
- Пшеничниук А.Х., 2012. Филипповка : Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Садькова М. Х., 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа : Башкир. кн. изд-во. С. 88–122.
- Симоненко А. В., 2011. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История. 272 с.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия : Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ. 298 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА № 101. М. : Изд-во АН СССР. 163 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.
- Тальгрэн А. М., 1917. Два железных меча в Сарапульском музее // Изв. Общества изучения Прикамского края. Вып. 1. С. 20–25.
- Толмачев В. Я., 1913. Древности Восточного Урала. Выпуск 1-й с цинкографическими таблицами // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXXII. Вып. 2 (последний). С. 193–225.
- Трейстер М. Ю., 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. № 10. С. 218–210.
- Трейстер М. Ю., 2023. Ювелирные украшения позднеархаического и раннеклассического времени на Боспоре (конец VI – первая половина V в. до н.э.). I. Перстни // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии : материалы Междунар. науч. конф. «Боспорский феномен». СПб. : Чистый лист. С. 298–306.
- Уильямс Д., Огден Д., 1995. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н.э. СПб. : Славия. 272 с.
- Шкрибляк И. И., 2011. Костяная застежка из городища Ак-Кая в Центральном Крыму // Боспорские исследования. Вып. XXV. С. 265–270.
- Ganymede Jewelry. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/256975>
- Gold Necklace. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/130009290>

REFERENCES

- Anfimov I.N., 1986. Pogrebal'nyy kompleks II v. do n. e. u hut. Elitnyy (Krasnodarskiy kray) [The Burial Complex of the 2nd c. BC near the Elitnyy farm (Krasnodar Region)]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 190-197.
- Anfimov N.V., 1986. Kurgannyy kompleks sarmatskogo vremeni iz basseyna r. Kirpili [The Kurgan Complex of the Sarmatian Period from the Kirpili River Basin]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183-190.
- Balonov F.R., 1988. Semantika κεραινοι i φαρμακον v grecheskoy ikonografii i mifologii [The Semantics of κεραινοι and φαρμακον in Greek Iconography and Mythology]. *Zhizn' mifa v antichnosti: materialy nauch. konf. «Vipperovskie chteniya – 1985»* [The Life of Myth in Antiquity. Proceedings of the Scientific Conference “Vipper’s Readings – 1985”], iss. 18, pt. 1. Moscow, Sov. hudozh. Publ., pp. 173-199.
- Berlizov N.E., 2011. *Ritmy Sarmatii: Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* [Rhythms of Sarmatia: Sauromat-Sarmatian Tribes of Southern Russia in the 7th c. BC – 5th c. AD], pt. 1. Krasnodar, KSUCA, Parabellum Publ. 318 p.

- Goldina R.D., Leshchinskaya N.A., 2018. Op'yanyoborskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [On the Piany Bor Culture-Historical Communion]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 1, pp. 17-55.
- Dedyul'kin A.V., Zaytsev Yu.P., 2019. Ellinisticheskie fibuly-broshi [Hellenistic Brooches]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais], iss. 5, vol. 1. Rostov-on-Don, Al'tair Publ., pp. 140-153.
- Zhuravlev D.V., Novikova E.Yu., Kovalenko S.A., Shemahanskaya M.S., 2017. *Zoloto Hersonesa Tavricheskogo: (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya)* [Gold from Chersonesos: (Jewellery from the Collection of the State Historical Museum)]. Moscow, Vneshtorgizdat Publ. 360 p.
- Zaharov S.V., Maryksin D.V., 2024. Kurgannyi mogil'nik Chebotarevo IV v srednem techenii r. Zhayyk [The Kurgan Cemetery Chebotarevo IV in the Middle Reaches of the River Zhayyk]. *Margulanovskie chteniya – 2024: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Bayanaul, Pavlodar, 23–25 maya 2024 g.* [Margulan Readings – 2024: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Bayanaul, Pavlodar, May 23–25, 2024], vol. 1. Almaty, Institute of Archaeology named after A.H. Margulan, pp. 226-243. DOI: <https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.226.243>
- Zasetskaya I.P., 2010. Dekorativnoe оформление bol'shih falarov iz pogrebeniya I veka nashey ery u stantsii Zhutovo (k voprosu o proiskhozhdenii sarmatskogo zverinogo stilya) [Ornamentation of Big Phalerae from Zhutovo Kurgan Dating from the 1st Century AD (the Origin of Sarmation Animal Style Revisited)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 114-129.
- Zasetskaya I.P., 2012. Obraz volka v sarmatskom iskusstve I v. n.e. [The Image of the Wolf in Sarmatian Art of the 1st c. AD]. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager. The World and Man], no. 3, pp. 63-73.
- Zuev V.Yu., 2012. Krasnogorskiy kurgan [Krasnogorsk Kurgan]. *Zoloto, kon'i chelovek: sb. st. k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko* [Gold, Horse and Man. A Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Alexander Vladimirovich Simonenko]. Kiev, Skif Publ., 2012, pp. 385-410.
- Zuev V.Yu., 2013. O vremeni aktivnogo vystupleniya sarmatov v stepyakh Evrazii po arkheologicheskim dannym [About the Time of the Sarmatians' Active Offensive in the Steppes of Eurasia According to Archaeological Data]. *Visnyk Mariupol's'kogo derzhavnogo universytetu. Seriya: Istoriya, politologiya* [Bulletin of Mariupol State University. Series History, Political Science], iss. 7-8, pp. 51-63.
- Zuev V. Yu., 2016. K probleme vydeleniya pogrebeniy rannesarmatskoy elity po arkheologicheskim materialam [On the Problem of Identifying the Burials of the Early Sarmatian Elite Based on Archaeological Materials]. *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kul'tura: materialy tret'ego Kruglogo stola, provodimogo v ramkah proekta «Bosporskiy fenomen»* [The Elite of Bosporus and the Bosporan Elite Culture. Proceedings of the Third Round Table Held Within the Framework of "The Bosporan Phenomenon" Project]. Saint Petersburg, PALACCO Publ., pp. 259-276.
- Klepikov V.M., 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e.* [The Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th – 3rd Centuries BC]. Volgograd, VolSU. 216 p.
- Korol'kova E.F., 2008. Sarmatskie ukrasheniya i sibirskoe zoloto drevnih kochevnikov [Sarmatian Jewelry and Siberian Gold of Ancient Nomads]. *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki* [Treasures of the Sarmatians. Exhibition Catalog]. Saint Petersburg, Azov, Azov Museum-Reserve, pp. 15-28.
- Lukpanova Ya.A., 2021. Kul't volka v kul'ture naseleniya Kazakhstanskogo Priural'ya VI–IV vv. do n.e. [The Cult of the Wolf in the Culture of the Population of the Kazakhstan Ural of the 6th – 4th Centuries BC]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 6, pp. 132-147. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.132.147>
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prokhorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorov” Burials of the V Berdyansk Burial Ground]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, Dimur Publ., pp. 124-146.
- Mordvintseva V.I., Shinkar' O.A., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 2, pp. 138-148.
- Moshkova M.G., 1962. O rannih vtul'chatykh nakonechnikakh strel [About Early Arrowheads with a Sleeve]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 89, pp. 77-82.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [Monuments of Prokhorovka Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. 41-10. Moscow, USSR Academy of Sciences. 56 p.

- Nikonov V.P., 2012. Perun Zeusa na «Dal'nem Vostoke» antichnogo mira [The Perun of Zeus in the "Far East" of the Ancient World]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa Mihaila Petrovicha Gryaznova* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov], book 2. Saint Petersburg, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Periferiya Publ., pp. 496-504.
- Ol'hovskiy V.S., 2005. *Monumental'naya skulptura naseleniya Zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza* [Monumental Sculpture of the Population of the Western Part of the Eurasian Steppes of the Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 299 p.
- Ongapuly A., Ol'hovskiy V., Astaf'ev A., Darmanov R., 2017. *Drevnie svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaral'ya* [Ancient Sanctuaries of Ustyurt and the Eastern Aral Sea Region]. Almaty, Margulan Institute of Archaeology. 320 p.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2019. Pogrebenie voina-vsadnika iz kurgannoy gruppy Yashkul' [Burial of a Warrior-Horseman from the Yashkul Mound Group]. *Byulleten' Kalmyzskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], iss. 4, pp. 5-60. DOI: <http://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>
- Pshenichnyuk A.H., 1976. Shipovskiy kompleks pamyatnikov (IV v. do n.e. – III v. n.e.) [Shipovsk Complex of Monuments (4th c. BC – 3rd c. AD)]. *Drevnosti Yuzhnogo Urala* [Antiquities of the Southern Urals]. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, pp. 35-131.
- Pshenichnyuk A.H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [The Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 200 p.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th c. BC in the Southern Urals]. Ufa, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 280 p.
- Sadykova M.H., 1962. Sarmatskiy kurgannyi mogil'nik u der. Starye Kiishki [Sarmatian Burial Mound near the Village of Starye Kiyoshki]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria], vol. I. Ufa, Bashkir. knizh. izd-vo, pp. 88-122.
- Simonenko A.V., 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Imports from the Sarmatians of the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, Nestor-Istoriya Publ. 272 p.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: Problemy khronologii i ee istoricheskoy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 298 p.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Armament of the Sauromats]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*, no. 101. Moscow, USSR Academy of Sciences. 163 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Tal'gren A.M., 1917. Dva zheleznykh mecha v Sarapul'skom muzee [Two Iron Swords in the Sarapul Museum]. *Izv. Obshchestva izucheniya Priamurskogo kraia* [Proceedings of the Society for the Study of the Kama Region], iss. 1, pp. 20-25.
- Tolmachev V.Ya., 1913. Drevnosti Vostochnogo Urala. Vypusk 1-y s tsinkograficheskimi tablitsami [Antiquities of the Eastern Urals. Issue 1 with Zincographic Tables]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya* [Notes of the Ural Society of Natural Science Enthusiast], vol. XXXII, iss. 2 (last), pp. 193-225.
- Treister M.Yu., 2018. Parfyanskii i rannesasanidskie «importy» v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Parthian and Early Sassanid "Imports" in the Burials of Nomads of Eastern Europe (2nd c. BC – 3rd c. AD)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea], no. 10, pp. 218-210.
- Treister M.Yu., 2023. Yuvelirnye ukrasheniya pozdnearhaicheskogo i ranneklassicheskogo vremeni na Bospore (konets VI – pervaya polovina V v. do n.e.). I. Perstni [Jewelry of the Late Archaic and Early Classical Period on the Bosphorus (Late 6th – First Half of the 5th c. BC). I. Rings]. *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Bosporskiy fenomen»* [The Bosporan Phenomenon. Quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Proceedings of the International Scientific Conference "Bosporan Phenomenon"]. Saint Petersburg, Chisty list Publ., pp. 298-306.

Williams D., Ogden D., 1995. *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi. V–IV vv. do n.e.* [Greek Gold. Jewelry Art of the Classical Era. 5th – 4th C. BC]. Saint Petersburg, Slaviya Publ. 272 p.

Shkriblyak I.I., 2011. Kostyanaya zastezhka iz gorodishcha Ak-Kaya v Tsentral'nom Krymu [A Bone Clasp from the Ak-Kaya Settlement in Central Crimea]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], iss. XXV, pp. 265-270.

Ganymede Jewelry. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/256975>

Gold Necklace. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/130009290>

Information About the Authors

Sergey V. Zakharov, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Prosp. Dostyk, 44, 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan, zaharov_sv_69@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4848-1118>

Denis V. Maryksin, Master of Science, Researcher, Rutrum LLP, Baykadamova St, 10, 050060 Almaty, Republic of Kazakhstan, maryxin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0275-5231>

Информация об авторах

Сергей Владимирович Захаров, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, просп. Достык, 44, 050010 г. Алматы, Республика Казахстан, zaharov_sv_69@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4848-1118>

Денис Валерьевич Марыксин, магистр, научный сотрудник, ТОО «Rutrum», ул. Байкадамова, 10, 050060 г. Алматы, Республика Казахстан, maryxin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0275-5231>